

Ермак. Личник

Автор:

Игорь Валериев

Ермак. Личник

Игорь Валериев

Ермак #3 Попаданец (АСТ)

Начало девяностых годов девятнадцатого века. Цесаревич Николай назначен отцом наместником Дальнего Востока. Основная задача молодого наследника – учиться управлению страной на примере огромного края. По прямому указанию Александра III его телохранителем назначен хорунжий Аленин-Зейский, в теле которого находится сознание спецназовца из двадцать первого века.

Что выберет в этой ситуации гвардии подполковник Аленин? Политическую конъюнктуру, чтобы приспособиться к существующему режиму, или это шанс для пришельца из будущего как-то изменить кровавый путь истории в двадцатом веке.

Игорь Валериев

Ермак

Личник

Роман

Посвящается любимой жене Людмиле.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Сергея Викторовича Акимова, Игоря Георгиевича Мармонтова, Игоря Аркадьевича Черепнёва, Евгения Шарапова.

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Игорь Валериев, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Я стоял на корме «Вестника» и смотрел, как вдаль уходит остров Разбойный. Именно на этом острове почти два года назад группа хунхузов устроила засаду на этот же пароход. И также на нём тогда находился цесаревич Николай.

Для меня то нападение бандитов закончилось ранением, когда я закрыл собой от пули будущего императора. Хорошо, что фортуна не покинула меня, и небольшой кусок свинца, выпущенный из винтовки с телескопическим прицелом, встретил на своём пути лезвие метательного ножа и часы, которые лежали в кармане под ним. Отделался контузией, огромным синяком да трещиной в ребре.

Потом было Иркутское юнкерское училище, куда я прибыл поступать с кучей рекомендательных писем, начиная от его императорского высочества государя наследника и заканчивая командиром Амурского казачьего полка. После его окончания я был вызван на приём к Александру III в Санкт-Петербург. И там за спасение наследника престола получил потомственное дворянство, приставку Зейский к своей фамилии, орден Святого Георгия четвёртой степени, неплохое

поместье под столицей и земельный участок рядом с рекой Зея. Как предполагаю, где-то рядом с участком, где банда Золотого Лю мыла золото.

Далее был в отпуске. Пускай неделю, но был. В своём имении познакомился и, можно сказать, стал другом целой княгине и пусть незаконнорожденному, но внуку Александра II. Встретил, возможно, свою новую любовь Анечку фон Дерфельден, которая как две капли воды была похожа на мою жену в моей прежней жизни. Да, да! Я не сумасшедший. Действительно в этом теле девятнадцатилетнего хорунжего живёт сознание бывшего офицера спецназа пятидесяти пяти лет от роду из двадцать первого века. Каким образом это произошло, я не знаю, но чуть меньше пяти лет назад моё сознание-матрица как-то перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в тело четырнадцатилетнего казачонка в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год.

Зовут меня Аленин Тимофей Васильевич, и я являюсь полным тёзкой Тимохи, который до меня был в этом теле. Но по порядку. Родился я в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году в семье военного в городе Благовещенске. Учился так себе, но спортом занимался усиленно. К окончанию школы выполнил норматив КМС по биатлону. Очень хотел поступить в Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище в Благовещенске, где также готовили офицеров для морской пехоты, но не прошёл по баллам. Завалил русский язык. Не могу писать сочинения – не Лев Толстой я, к сожалению. Поэтому вместо военного училища попал в армию, как думал сначала обычным «пехотным Ваней». Но всё оказалось намного интереснее.

Из военкомата с «покупателем» – молодым старшим лейтенантом с пехотными петлицами – я и еще двое ребят на самолёте совершили перелёт через всю страну из Благовещенска до Великого Новгорода. Потом на уазике нас отвезли куда-то под Псков в летние лагеря, где и выяснилось, что пехотные петлицы старшего лейтенанта – это маскировка, а служить я буду в каком-то спецназе, хотя форма солдат и офицеров в учебке была десантных войск.

И прослужил я в войсках специального назначения двадцать три года с хвостиком, не считая учёбы в военном училище. После полугода обучения в учебке, где получил специальность минёра, почти год службы в Афганистане в 177-м отдельном отряде спецназа в составе 22-й бригады СпН. В данное подразделение получил распределение из-за своей внешности. Вылитый пуштун, как не раз потом подкалывали меня ребята в отряде.

За Афганистан получил медали «За боевые заслуги» и «За отвагу», орден Красной Звезды, позывной «Ермак», славу хорошего минёра и снайпера. В отряде, как КМСу по биатлону, после пробных стрельб вручили СВД и поставили сначала в пару к основному снайперу. Вскоре стал штатным снайпером. Потом был бой, во время которого получил два ранения: в голову и правую руку.

После госпиталя в Ташкенте и отпуска по ранению до моего дембеля оставалось около четырех месяцев, когда неожиданно даже для себя взял и написал рапорт с просьбой отправить меня поступать в Рязанское десантное училище.

Батя – командир 177-го ооспН – майор Керимбаев рапорту ход дал и характеристику взводного подписал, в которой тот столько хорошего изложил, хоть памятник из меня делай. Потом учебные сборы на базе Самаркандского автомобильного училища, где попал в роту поступающих в десантное училище. Сдача физо и медкомиссия. Её, несмотря на ранения, слава богу, прошёл. Награждение орденом освободило от сдачи вступительных экзаменов. Затем абитура в ЗУЦе под Рязанью, и я – курсант РВВДКУ.

Четыре года обучения в спецбатальоне в отделении спецназа, красный диплом, лейтенантские погоны, право выбора места службы и 173-й ооспН в родной 22-й бригаде спецназа, которая базировалась уже в Азербайджане. А затем поддержание конституционного порядка в Баку, Нагорный Карабах, Осетино-Ингушский конфликт, две Чеченские кампании, парочка заграникомандировок, Грузинский конфликт и заслуженный дембель в две тысячи девятом году. Выслуги, да ещё со льготами, было уже по самое не могу – вот и ушёл. С жильём проблем не было: от родителей после их переезда в Краснодарский край трёхкомнатная квартира в Благовещенске осталась и от деда крепкое подворье в Ермаковской пади на Амуре, где и проживал я постоянно последние годы.

Сбежал я из Благовещенска, где очень часто приглашали на торжественные мероприятия в качестве почётного гостя или «новогодней ёлки». К наградам за Афган еще два ордена Мужества добавились и Звезда Героя России за операцию в Первомайске против банды Радиева. А если добавить юбилейные медали, за выслугу и кучу всяких знаков за Чечню, то иконостас на парадном мундире значительный получался. Вот и «работал» в администрации города «почётным жителем», пока не надоело. Уехал в дедов дом, подремонтировал его и зажил спокойной жизнью пенсионера. Пенсии и надбавки за Героя России хватало с избытком, лес обеспечивал дичью и другими дарами, Амур – рыбой, спутниковая

тарелка с модемом давала связь с миром через Интернет и телевидение. Так и жил бобылём.

Были в своё время две жены, да не выдержали они постоянного ожидания мужа с боевых выходов, которые иногда длились по полгода. Детей в обоих браках не нажил. Осталось одиночество, но оно постепенно стало нравиться. В последнее время пристрастился к чтению книг, особенно по альтернативной истории с «попаданцами», благо в электронном виде таких произведений в Инете можно было найти множество. Подумывал свои мемуары засесть писать, но всё оборвалось летним утром две тысячи восемнадцатого года. Выбежал, как обычно, с утра в лес на зарядку, увидел яркий шар в небе. Успел подумать: «Всё же пиндосы ударили ядерным оружием!» Нестерпимый жар и темнота.

Очнулся в теле четырнадцатилетнего казачонка, пастушка Тимохи Аленина, который приходился мне каким-то родственником. По отцовской линии я вёл свой род от знаменитого атамана Ермака. Так передавалось из поколения в поколения в нашей семье. Правда или нет, не знаю, но все мои пращуры в это верили.

Так вот, по рассказам деда, тот поселился в одна тысяча девятьсот сорок шестом году в Ермаковской пади после демобилизации по ранению, полученному в боях с японцами из-за того, что на этом месте жили раньше родственники Алениных, которые ушли с Дона осваивать Амур и сгинули все. Последним умер Аленин Афанасий Васильевич – георгиевский кавалер, которого на Дону помнили и уважали. Умер он после того, как хунхузы убили его внука Тимофея, до этого убив всех его сыновей. На месте их старого дома, который сгорел во время лихолетья Гражданской войны, дед построил свой дом. В том доме родился мой отец. Из этого дома и я выбежал на последнюю свою зарядку.

Перенос оказался очень вовремя для Тимохи. Он был ранен хунхузами, которые пытались угнать в Китай табун лошадей, который пасли казачата. Именно во время этого налёта Тимоха и был ранен. Я же, благодаря своим навыкам, смог отбиться и остаться живым. Потом было много всего. И выбор своего пути в этом мире, и смерть деда Афанасия, деда для Тимохи, но который и для меня за пару месяцев стал родным.

Пять лет назад я принял решение, что основной целью для меня в этом мире является передача знаний спецназовца из двадцать первого века казакам. Для этого планировал поступить в Иркутское юнкерское училище, потом всеми

правдами и неправдами прорваться в Николаевскую академию Генерального штаба. Там во время учёбы как-то выйти на русскую разведку и, зарекомендовав себя, постараться попасть на начало англо-бурской войны представителем от Генштаба или под видом волонтера. Через доклады постараться доказать эффективность бурских засад, снайперского огня, действия малых групп в тылу врага, всё это теоретически и методически обосновать и настаивать на создании экспериментальной диверсионно-разведочной группы, хотя бы в полусотню казаков. А после обучения обкатать её на боевых выходах в китайском походе. А дальше как Бог даст!

Мелко, скажете вы, для представителя двадцать первого века?! А ничего, что я попал в тело пастушка, к тому же сироты, для которого поступить в юнкерское училище с двумя классами церковно-приходской школы практически нереально. Да что там нереально, вероятность практически нулевая. Но я смог. И вот теперь стою перед дилеммой, что делать?

Я офицер Конвоя Его Императорского Высочества Николая Александровича. Его отец император Александр III перед отъездом на Дальний Восток, куда Николай был направлен наместником, лично просил меня сохранить ему сына. И я дал слово офицера.

«Н-да, дилемма, – подумал я. – С одной стороны, в девятнадцать лет оказаться в близком окружении будущего императора, который считает себя обязанным жизнью, – это просто пруха какая-то. Но что это мне даёт? Если смотреть с точки зрения политической конъюнктуры, то для карьерного роста просто колоссальные возможности. Врасти в высший свет. Да без особых проблем, если не подставляться. Стать генералом? Тоже возможно. Но я-то знаю, чем всё закончится в семнадцатом. Хотя в моём мире Николай наместником Дальнего Востока не был. Возможно, это другой мир?! Или я так успел на него повлиять? Как бы то ни было, но я-то хочу предотвратить кровавые ужасы революций и гражданской войны, если они здесь будут...»

Мысли заскакали галопом, и я начал глубже и медленнее дышать, чтобы успокоиться. Вся та информация, до которой я смог дотянуться за эти пять лет, говорила, что всё не так просто в этом мире, как нам преподавали в моё время в будущем по предмету «История». Всё намного сложнее и страшнее.

«Да осилит дорогу идущий, – подумал я. – Что же, сделаем очередной шаг, а там посмотрим...»

Глава 1

Награждение

«Вестник» по дуге подходил к причалу станицы Черняева, чтобы пришвартоваться правым боком, против течения. Рядом с аркой, увитой лентами и елочными лапами, собралась толпа народа. На мой взгляд, под две тысячи человек. С учетом того, что при описи населения в тысяча восемьсот девяносто первом году во всём Черняевском округе проживало чуть больше восьмисот человек, включая детей, встречать цесаревича съехался народ со всех ближайших округов. Караван судов, перевозивший Николая со свитой и всем необходимым для исполнения обязанностей наместника, шёл по Амуру практически без остановок в станицах. Но о том, что в Черняева будет остановка, сообщили атаману Савину по телеграфу заранее, ещё неделю назад.

Я стоял по правому борту, откуда на пристань должны были подать трап два матроса. Рядом со мной выстроились десять кубанцев конвоя, которые будут обеспечивать периметр. Лица у казаков были сама невозмутимость, хотя внутри, сужу по себе, все наоборот. Всегда начеку, в состоянии тревоги и подозрительности ко всем. Это был уже не первый выход цесаревича в народ, и даже не десятый за время путешествия на Дальний Восток. Но каждый раз – бешеный расход нервов.

С трудом, но постепенно удалось донести до казаков конвоя, что к охране государя наследника, как и любого другого охраняемого лица, надо относиться серьёзно. Что их роль не парадная функция и красивое позирование рядом с цесаревичем, а тяжёлая ежесекундная работа по его охране. Каждый из конвойцев любое изменение обстановки вокруг наследника должен оценивать по критерию «опасность – безопасность» с точки зрения угрозы жизни и здоровью охраняемого лица. Для этого он должен не упускать из поля зрения никакую на первый взгляд мелочь, быть всегда готовым к любой ситуации, уметь быстро понимать поведение и агрессивные намерения людей, не доверять никому и суметь принять предупредительные или защитные меры.

Пароход швартовался, а я смотрел на родной берег. За первым рядом встречающих, которых представляли атаман Савин с караваем хлеба, протоиерей Ташлыков и старики-старейшины станицы Раздобреев Афанасий, Подшивалов Феофан, Шохирев Давыд, Савин Митрофан и Гусевский Ион, я увидел родные лица дядьки Петро и Митяя Широкого. А чуть в стороне от них стоял один из старших секретных агентов, который обеспечивал скрытую охрану цесаревича в станице. Знаком агент показал, что всё в порядке.

«Молодец, – подумал я про себя. – Не знаю, кем он тут представился, но уважение успел завоевать, если его в первые ряды встречающих казаки пустили».

При планировании работы секретной части охраны цесаревича на время путешествия мы столкнулись с проблемой – кем будут представляться агенты в Забайкалье, а особенно на Амуре и Уссури, где по станицам проживают, считай, только казаки. Десять агентов, которых как от сердца оторвал полковник Ширинкин, а также возглавлявший их коллежский секретарь Кораблев, были в затруднении. Какую личину надеть?! Казаки из них, как... В общем, за казаков не сойдут. Купцы, приказчики, путешественники. Ещё кто-то? Постепенно разобрались и приноровились.

Пароход приткнулся бортом к причалу. Выскочившие матросы набросили концы канатов на импровизированные кнехты. После чего подали трап на причал. Я сошёл первым. За мной потянулись кубанцы, образуя двумя колоннами коридор. Краем глаза увидел, как изумлённо расширились глаза атамана Савина и протоиерея Ташлыкова. Видимо, узнали меня. С учётом того, что после награждения и недельного отдыха я узнал, что буду сопровождать Николая на Дальний Восток в родные места, Селевёрстовым я ничего не написал, желая сделать сюрприз. И, кажется, он получился. Контролируя сход с парохода цесаревича, я, изредка бросая взгляды на первые ряды встречающих, всё чаще видел выражение изумления на лицах станичников и казачек при узнавании меня.

Цесаревич начал движение по пристани к встречающим. Кубанцы в своих парадных алых черкесках, сойдя с пристани, двумя колоннами по пять человек двинулись вперёд, раздвигая встречающих и образуя коридор. По освобождённому пространству пошёл цесаревич в форме лейб-гвардии отдельного Амурского казачьего взвода, который существовал пока на бумаге и шефом которого, также по бумагам, являлся Николай. Несмотря на очень теплый

для начала мая день, около плюс двадцати градусов, на плечи Николая была накинута шинель. Но вместо папахи на голове наследника была фуражка.

Подойдя к атаману, который склонился в поклоне, Николай отломал небольшой кусок каравая, посолил его, макнув в солонку, и отправил в рот.

– Ваше императорское высочество государь наследник цесаревич и великий князь Николай Александрович, – стараясь не сбиться, начал Иван Митрофанович Савин, распрямившись после поклона. – Казаки Черняевского округа рады видеть вас вновь на своей земле.

Но цесаревич сломал заготовленный сценарий. Взяв из рук атамана поднос с караваем, Николай передал его назад подъесаулу Головачеву, а сам, обняв Савина, трижды его поцеловал, после чего обратился к встречающим:

– Господа казаки, прошло почти два года с тех пор, как многие из вас участвовали в отражении нападения бандитов, которые напали на пароход, где я находился, а также на вашу станицу. Слишком долго происходило расследование этого события. Наконец-то оно завершено, а я, пользуясь случаем, могу теперь отблагодарить своих спасителей.

По толпе встречающих прошелестел довольный гул. Хотя до этого в слова цесаревича вслушивались настороженно.

– Атаман, казаки, о которых вам было телеграфировано, все собраны? – спросил Савина наследник.

– Так точно, ваше императорское высочество, – вытянулся во фрунт атаман, сверкая на мундире золотой медалью «За усердие». – Все здесь. Чуть выше по дороге к станице построены.

– Это хорошо. Пойдёмте к ним, атаман. Ваше высокопреподобие, – обратился Николай к протоиерею Ташлыкову, – сопровождайте нас. Тимофей Васильевич, следуйте за мной.

Эта команда уже относилась ко мне. Проходя следом за цесаревичем мимо застывших старейшин станицы и казаков за ними, слышал перешёптывание:

«Точно он...», «Ты гляди-ка, Тимоха...», «Ядрёный корень... Тимоха – благородие...», «Егорий-то... офицерский...»

Кубанцы как масло разрезали толпу, образуя свободный проход для наследника. Несколько десятков шагов вверх от пристани, и Николай остановился перед двухшереножным строем казаков. Кроме моего старшего десятка, в строю стояли дядька Михайло Лесков, проскользнувший вперёд нас и вставший в строй Митяй Широкий, двое казаков из Ольгинской станицы и малёк Мишка Башуров.

Подойдя к строю казаков, Николай, развернувшись к свите, которая следовала за ним, подозвал одного из флигель-адъютантов и, взяв из его рук бархатную папку, протянул её мне.

– Тимофей Васильевич, ваша родная станица, вам и указ его императорского величества зачитывать. А я награды вручать буду.

Я с трепетом открыл папку. О том, что награждать станичников будут, я знал. Но вот награды мне были не известны.

– Божьей милостью, мы, Александр Третий, император и самодержец Всероссийский, царь Польский, великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая... – начал я под ошарашенными взглядами награждаемых.

Процедура награждения несколько затянулась, так как казакам приходилось выходить из строя к цесаревичу. Тур и Леший получили по Знаку отличия Военного ордена Святого Георгия четвертой степени, остальные казачата и малёк Мишка Башуров по золотой медали «За храбрость» с ношением на груди. Отец Лешего дядька Михайло и Митяй Широкий получили по золотой медали «За храбрость» с ношением на шее, а ольгинцы – такие же, но серебряные.

Савин был награждён шейной серебряной «За усердие» на станиславской ленте, а все старейшины – нагрудной золотой на Станиславской ленте. Но самой главной наградой, от которой в восторг пришли все станичники и гости, было прощение всех задолженностей перед казной для казаков Черняевского округа и освобождение от налогов на пять лет, начиная с этого года. Восторг был такой силы, что кубанцы еле сдержали толпу. Станичники очень захотели выразить признательность государю наследнику. Я уже хотел стрелять в воздух, но, слава

богу, напор толпы ослаб и она успокоилась.

Следующее действие цесаревича также вызвало восторг окружающих.

– Хорунжий Аленин, построить в две шеренги казаков старшего набора казачьей школы станицы Черняева.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – браво ответил я, после чего скомандовал Ромке. – Казак Селевёрстов построить первый десяток.

После того, как мои друзья и братья построились, я скомандовал «смирно» и хотел доложить цесаревичу, но тот махнул рукой и произнёс, обращаясь к строю:

– Господа казаки, за ваше мужество, героизм, отвагу и сноровку все вы назначаетесь на службу в лейб-гвардии отдельный Амурский казачий взвод Собственного Его Императорского Высочества Наследника Государя и Цесаревича личного конвоя.

– Рады стараться, ваше императорское высочество! – дружно и чётко ответил строй молодых казаков.

– Вольно! – скомандовал цесаревич и повернулся ко мне. – Командуйте, хорунжий. После молебна принятие присяги.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество, – принял я стойку смирно и поднёс ладонь к срезу папахи.

– Ваше высокопреподобие, – обратился цесаревич к Ташлыкову, – пройдёте на молебен.

Цесаревич с протоиереем двинулись вперёд, за ними последовала свита, атаман со старейшинами. За этой группой постепенно пристраивались встречающие, мимо которых проходил наследник. Я, кивком головы испросив разрешение остаться у Головачева и получив его ответный кивок, развернулся к строю.

– Ну что, здравы будем, братья!

– Здравия желаем, ваше благородие! – дружно рявкнули мне в ответ те, кого я считал и считаю своими близкими друзьями и, можно сказать, братьями. Но моё новое положение в обществе позволяло общаться на глазах у других только таким образом. Тем более за моей спиной находилась пара кубанцев.

– Господа казаки, после обеда, несмотря на возраст, вы все принимаете присягу и будете проходить службу в лейб-гвардии личном конвое государя наследника. Под моим чутким руководством, – я хищно улыбнулся моим бывшим ученикам. – Надеюсь, вы ещё не забыли, что это значит?!

У некоторых казаков, казачатами их уже назвать было тяжело, настолько они выросли и заматерели за почти два года, что я их не видел, головы грустно опустились вниз.

– Вижу, что помните, и надеюсь, что понимаете, какая честь вам оказана. После принятия присяги где-то через два часа вы станете лейб-гвардейцами, а не казаками-малолетками! После чего должны будете своей службой доказать, что выбор государя наследника и цесаревича великого князя Николая Александровича был правильным и вы его достойны!

– Ваше благородие, – как и всегда до этого во время обучения, с вопросом влез Ромка, – так мы сегодня с государем наследником в сопровождении поплывём?

Все остальные ребята с таким же вопросом в глазах уставились на меня.

– Да. После присяги вы начнёте службу в конвое. Для вас отведено место на одном из пароходов сопровождения. Коней разместите на барже. До вас что, не довели о необходимости быть на встрече цесаревича с полным снаряжением для службы?

– Довели, ваше благородие, но мы думали, это какое-то занятие будет или смотр. Про присягу и службу никто не говорил. Так-то нам только в январе следующего года присягу принимать, и то не всем, – ответил за всех Ромка.

– А ты что, Лис, не рад службе в конвое?! – спросил я.

– Ваше благородие, да мы все рады. Просто всё так неожиданно – награды, лейб-гвардия, конвой. Голова кругом идёт! – пробасил георгиевский кавалер Тур, или Верхотуров Антип. От его ответа у меня отлегло от сердца. Честно говоря, боялся в душе, что после ранения Тур сломается.

– Тогда у вас есть час, чтобы собраться окончательно. Потом прибываете к пристани. Чуть ниже швартуют баржу, на неё заведете и разместите своих коней. Место на пароходе вам покажет старший урядник Тимофеев из Кубанского отдельного взвода. Пока поступаете под его командование. И последнее, – я повернулся к Тимофееву, который передал мне несколько пар погон из большой стопки, которую держал в руках. – Вручаю вам погоны вашего взвода. До присяги привести мундиры в соответствие. Портупеи, которые на вас, оставить.

Я прошёлся вместе с Тимофеевым вдоль строя, раздавая погоны Амурского отдельного взвода с вензелем «Н».

– Что скажешь, урядник, с такими портупеями покрасивей форма будет? – я указал на казачат-казаков, которые щеголяли в офицерских портупеях тысяча девятьсот двенадцатого года, которые пошили ещё два года назад.

– Красиво смотрится, ваше благородие, – степенно ответил урядник. – Надо какое-то отличие для лейб-гвардейских казачьих взводов Приамурья и Забайкалья ввести. А портупеи ладные.

Я посмотрел на своих бывших учеников, которые с восторгом рассматривали врученные погоны, и скомандовал:

– Господа казаки, равняйся. Смирно. Через час с конями и вооружением находитесь на пристани и поступаете в распоряжение старшего урядника Тимофеева. Вольно. Разойдись.

Когда строй рассыпался и казаки начали разбегаться по домам, я подозвал к себе младшего Селевёрстова.

– Ромка, мамке и батюшке передай, что после присяги вместе домой подойдём. Пока цесаревич обедать будет, и у нас час времени наберётся, чтобы пообщаться. А то в следующий раз когда в станицу попадём – неизвестно.

– Слушаюсь, ваше благородие, – попытался принять стойку смиренно и отдать честь Ромка, но получив от меня подзатыльник, резво развернулся и побежал к дому.

– Этот рыжий, с оторванной мочкой, кем вам приходится, ваше благородие? – поинтересовался урядник, а второй конвойный вопросительно насторожил уши.

– Брательник названный. Когда моих родителей хунхузы убили, а потом дед умер, Ромкины отец и мать меня к себе в семью взяли. Три года, можно сказать, у них прожил, – ответил я.

– Так вы, ваше благородие, откуда родом?!

– Да, отсюда. В двух верстах хутор стоял, где я родился и вырос. Спалили его хунхузы, когда на цесаревича и на станичников напали два года назад. Где-то в станице должен дом стоять, который мне за счёт казны построили. Но где, даже и не знаю. А посмотреть некогда. На кладбище сходить могилам поклониться да с дядькой Петром и тёткой Ольгой успеть бы повидаться, поговорить.

– Да... Служба в конвое, она такая, – растягивая слова, задумчиво произнёс Тимофеев. – Нас вон аж на край земли отправили. Где Кубань родная, и где Дальний Восток.

– Ничего, урядник, зато сколько всего уже увидел и увидишь ещё.

– Так-то оно так, ваше благородие. Но в родном краю служить-то слаще. Вы вона аж весь светитесь от радости. Дома... А мы теперь когда родные куреня увидим – неизвестно. А я-то второй уже сверхсрок тяну. Семь лет уже дома не был.

– А зачем в отдельный взвод напросился? Насколько я знаю, дело добровольным было. Кандидатов по станицам выбирали.

– Да брат мой самый меньший да племяш во взвод попали. Приглядеть за ними надо. Опыт передать.

– Опыт это дело хорошее. Учить будем настоящим образом.

– Это я уже понял, ваше благородие, – усмехнулся урядник.

А второй кубанец грустно произнёс:

– От вашей учёбы, ваше благородие, не только мышцы, даже жилы и кости болят.

– Выше нос, лейб-гвардия. Как говорится, лучше ведро пота слить, чем каплю крови потерять. Ладно, шутки в сторону. Тимофеев, через час встречаешь казаков из Амурского взвода, размещаешь их с вещами на пароходе сопровождения. Тот уже ниже пристал к берегу. А потом ведёшь их строем к церкви. Там они присягу принимать будут.

– Слушаюсь, ваше благородие. Разрешите выполнять.

– Выполняй, Тимофеев. Выполняй.

Урядник и казак-конвонец осуществили поворот кругом и направились к берегу, а я, развернувшись, направился к церкви, где начинался молебен.

В церковь попасть не удалось, так как на подходе был перехвачен стариками казаками. Пусть и не старейшины, но не ответить на их вопросы я из уважения не мог. Вокруг нас тут же собралась толпа, которая, затаив дыхание, слушала мой рассказ об учёбе в Иркутске, бунте каторжан. О том, что видел по дороге в столицу, о награждении меня Александром III, о совместном распитии чая с царской семьей. Вокруг казаки и казачки только вздыхали и ахали. Спрашивали, как выглядит государь, императрица, их дети. Позавидовали, что я целых две ночи спал в царском дворце.

В общем, незапланированная встреча со станичниками прошла плодотворно и быстро. Не успел я опомниться, как начал звонить колокол, возвещающий об окончании молебна. Я вырвался из круга станичников, точнее они быстро и с почтением уступили мне дорогу, и подошёл к крыльцу церкви. Через несколько минут из церкви показались кубанцы, которые в коробочке сопровождали цесаревича. Восторженный рёв толпы. Николай, приветствующий казаков и казачек.

Цесаревич спустился с крыльца и обратился ко мне.

– Тимофей Васильевич, к присяге всё готово?

«Вот это я попал, – пронеслось у меня в голове. – Заболтался со станичниками на радостях и счёт времени потерял».

Я уже хотел дать ответ «нет», но начиная поворачивать голову, чтобы отрицательно ею покачать, краем глаза увидел накрытый стол. Довернув голову дальше, обнаружил двушереножный строй казачат в новеньких погонах, на которых в лучах солнца поблескивали вензеля.

– Так точно, ваше императорское высочество, – переведя дух, ответил я, повернувшись лицом к Николаю.

– Что же, не будем терять время. Приступим.

Присяга моих бывших учеников, а теперь подчинённых прошла в торжественной обстановке. Я, не пользуясь текстом, наизусть произносил её слова, которые повторяли за мной казачата. Протоиерей Ташлыков с отеческой улыбкой взирал на нас. А на площади перед церковью стояла звенящая тишина, в которой был слышен только хор наших голосов. Текст присяги произнесен. Батюшка Александр благословил новоиспеченных казаков лейб-гвардейцев. И площадь взорвалась радостными криками, под которые цесаревич прошёл мимо перестроившихся в одношереножный строй казаков, пожимая каждому руку.

После этого Николай с ближайшей свитой направились в трактир к Савину, где был накрыт торжественный обед, а я с Ромкой, дождавшись, когда казачат поздравят все желающие, направился сначала на кладбище. Надо было отдать поклон могилам родителей, деда Афанасия. Потом чуть ли не бегом на пароход, чтобы забрать подарки для Селевёрстовых. А заодно поздороваться со своим Беркутом, которого Ромка вместе с другими лошадьми казачат уже загнал на баржу. Пётр Никодимович с женой после окончания присяги быстро ушли. Видимо, готовили встречу. Один же час, свободный от службы, с разрешения цесаревича, у меня был. Но надо было поторапливаться. Час – он не резиновый.

Войдя впереди Ромки из сеней в дом, я увидел дядьку Петро в парадном мундире и нарядно одетую тётку Ольгу. В каком-то напряжении они смотрели на

меня.

– Дядька Петро, тётка Ольга, вы что застыли как не родные! – с этими словами я обнял и расцеловал Селевёрстова, а потом его жену.

– Господи боже ты мой, Тимофей, каким ты гарным казаком стал, – тётка Ольга вытерла кончиком платка слёзы из глаз. – Хорунжий, офицерский Егорий и две медали за храбрость. Жалко-то как, что Катерина да Василий тебя не могут увидеть. А уж как бы дядька Афанасий был рад!

– Оставь свои причитания, – вступил в разговор Пётр Никодимович. – Проходите, Тимофей Васильевич, в горницу, к столу.

– Дядька Петро, да какой Тимофей Васильевич, – проговорил я, положив на полку вешалки папаху и снимая портупею с шашкой. – Для вас я как был Тимохой, ну ладно, Тимофеем, вырос всё-таки. Так им и остаюсь.

– Извините, Тимофей Васильевич, я как любил тебя как сына, так и люблю, – Селевёрстов в волнении провел рукой по усам. – Но теперь буду обращаться к тебе только так. Из-за большого уважения. И не спорь со мной, Тимофей Васильевич.

– Дядько Петро, ну ладно на людях, дома-то зачем? – я повесил шашку и повернулся к Селевёрстову.

– Проходи, не спорь с ним, Тимофей. Чай не забыл его упрямство. А сейчас, чем старше становится, тем упрямее, – тётка Ольга подошла ко мне и погладила мой погон. – Никак не могу поверить, что это ты, Тимофей. Надо же, офицер. Ты хоть и написал в письме, что закончил училище и стал хорунжим, но как-то в это не верилось. Год только прошёл. А потом от тебя вестей почитай полгода как не было.

Под эти слова я, придерживаемый за руку тёткой Ольгой, двинулся к горнице. За моей спиной в комнату вошёл Ромка, затащив за собой большой баул с подарками.

– А это что такое, Тимофей Васильевич? – поинтересовался Селевёрстов, указывая на здоровенную сумку.

– Там подарки, – сказал я, входя в горницу, где вокруг обильно накрытого стола собралось всё семейство Селевёрстовых, за исключением Анфисы и её мужа Семёна Савина.

Возникла некая пауза. Степан и Никифор стояли и смотрели на меня, приняв подобие строевой стойки смирно, а их жёны, теребя в руках платочки, как-то настороженно и выжидающе вглядывались в меня. Дети тоже зыркали с любопытством. Я же смотрел на них и не знал, как себя вести. Два года назад, перед отъездом в училище, старшего сына Степана я называл дядькой. Тот был старше меня на тринадцать лет. А теперь я для него его благородие.

– Дорогие мои названные родственники, прежде чем сесть за стол, позвольте вручить всем подарки, – я приобнял тётку Ольгу. – Ромка, где ты там! Неси баул сюда.

В горницу вошёл раскрасневшийся Ромка и со стуком положил сумку на пол. Я склонился над этим чудом чемодано-сумочного строения и, раскрыв его, достал первый подарок для главы семьи. Дядьке Петру, Степану, Никифору и Семёну я привёз казачьи винтовки Мосина и по сто патронов к каждой. Получив в руки такие игрушки, большие дети тут же защелкали затворами, начали вскидывать винтовки к плечу, целиться.

– Хороша, ох как хороша! – довольный старший Селевёрстов ещё раз вскинул мосинку к плечу и прицелился. Потом опустил винтовку и приставил её к ноге. – Спасибо тебе, Тимофей Васильевич, за такой царский подарок. Слышать-то слышали, что на вооружение поступили хорошие пятизарядные казачьи винтовки, но видеть ещё не приходилось. Тем более в руках подержать.

Под одобрительные выражения Никифора и Степана я достал из баула четвертую винтовку и протянул её Петру Никодимовичу со словами: «Это для Семёна».

– Жирновато для него будет, – помрачнел лицом старший Селевёрстов.

– Дядька Петро, тогда на ваше усмотрение, – я поставил винтовку к стене, а потом достал из баула деревянную коробку и положил её на стол. – Приступим к подаркам для женщин.

Раскрыв коробку, я стал доставать из неё небольшие футляры, обтянутые бархатом, и вручать женской половине семьи Селевёрстовых. Первой открыла футляр тётка Ольга и ахнула. Внутри лежали золотые серьги, кулон с цепочкой с красными агатами.

– Красота-то какая! – женская глава дома Селевёрстовых достала одну сережку из футляра, восторженно рассматривая её на солнечном свете. – Тимофей, мальчик мой, это какие же деньжища-то потратил.

За тёткой Ольгой восхищённо запищали снохи Ульяна и Елена. Я достал из коробки ещё два футляра поменьше и вручил их двум дочкам-погодкам, трех и четырех лет, у Никифора и Елены. Мать сразу перенацелилась на подарки дочек. Взяв у старшей футляр, открыла его и, изумленно вскрикнув, произнесла:

– Тимофей Васильевич, разве можно такое детям дарить! Эти серьги такие же, как у меня.

– Пускай с детства растут красавицами, – ответил я и выложил на стол последний футляр. – Это для Анфисы.

Вновь склонившись к баулу, достал из него черкесский кинжал, рукоять и ножны которого были украшены серебром.

– Иван, – позвал я старшего семилетнего сына Степана и Ульяны. – Тебя в казачата приняли?

– Приняли, ваше благородие, – блестя глазёнками, ответил мне названный племянник.

– Тогда это тебе, – я вручил кинжал пацанёнку. – И зови меня дядька Тимофей. Хорошо?!

Дождался ответного кивка мальчика, после чего достал из баула хороший охотничий нож в кожаных ножнах и подозвал к себе четырехлетнего младшего Степаныча, который испуганно смотрел на меня, спрятавшись за подол мамкиного платья. Получив нож, малой насупленно посмотрел на меня и спросил:

– А чё это Ваньке кинжал, а мне тока нож?

– Вот примут тебя в казачата, и тебе кинжал подарю.

– Не обманешь, дядька?

– Не обману, – я потрепал мальчика по вихрастой голове. – Слово офицера.

Наконец достал из баула последний подарок.

– Дядька Петро, этот кинжал для Ивана, сына Анфисы. Его мне цесаревич вручил, чтобы на зубок положить племяшу. А этот нож от меня. Самому вручить не получилось. А когда ещё раз в станицу попаду, неизвестно, – с этими словами передал кинжал и нож Петру Никодимовичу.

Тут с вопросом влез Иван свет Степанович.

– Дядька Тимофей, а почему Ромке ничего не подарил?

– Все подарки для Ромки на пароходе. А главный подарок перед вами – целый лейб-гвардеец с золотой медалью «За храбрость». Так что теперь за стол, с вашего позволения, дядька Петро. И надо это дело хорошенько обмыть, – я достал часы, открыл крышку. – Хотя времени нам с Ромкой на это осталось пятнадцать минут.

Все засуетились и стали усаживаться за стол, пристраивая свои подарки на свободные места, кроме винтовок, естественно. Те аккуратно составили в один угол. Быстро разлили по стаканам и стопкам. Я себе и Ромке позволил налить только небольшие стопки наливки, на которую была мастерица тётка Ольга. Выпили сначала за меня, потом за Ромку. Дальше мы с новоиспечённым гвардейцем пить больше не стали, а только кушали. За столом народ как-то

расслабился, пошли рассказы о том, что в станице случилось за то время, пока меня не было. Каких-либо глобальных изменений не произошло. Слава богу, никто не умер. Зато родилось больше десятка малышей. Все живы. Школа моя жива и процветает. По полосе препятствий всю гоняют не только казачат, но и малолеток. Новости все радовали, но время летело быстрее, чем можно было рассказать хотя бы основное.

Через пятнадцать минут я с сожалением поднялся из-за стола. За мной встали и все остальные. Вышли на улицу во двор. Встали с Ромкой перед Петром Никодимовичем, который держал в руках икону Божьей Матери, а за ним выстроилась вся семья Селевёрстовых.

– Тимофей Васильевич, три с половиной года назад я впервые сказал тебе спасибо за воспитание сына. Это когда вы вдвоём семерых казаков-малолеток на гулянке побии. Тогда я и помыслить не мог, что один из стоявших передо мной сынов, а я тебя по-другому не воспринимал, как взял в семью, в девятнадцать лет станет хорунжим – первым офицером из казаков Черняевского округа. Мало того, и первым Георгиевским кавалером в округе. А второй сын в восемнадцать лет будет награждён золотой медалью «За храбрость», станет лейб-гвардейцем и будет охранять наследника престола! – Селевёрстов замолчал, переводя дух.

В этот момент всхлипнула тётка Ольга, но дядька Петро цыкнул на неё и продолжил:

– Тимофей Васильевич, ты добился того, чего ещё не достигал ни один казак в Амурском войске. Я почему-то теперь уверен, что быть тебе казачьим полковником и даже генералом. Только не забывай о своих корнях, о своей станице, – Селевёрстов снова сделал паузу, а я ей воспользовался.

– Не забуду, дядька Петро.

– Вот и хорошо, – Пётр Никодимович перекрестил меня иконой, а я, наложив на себя крест, поцеловал её.

– А тебе, Селевёрстов Роман Петрович, хочу пожелать нести службу достойно, не уронить чести нашей семьи.

– Клянусь в этом, батя, – Ромка широко перекрестился и поцеловал лик Божьей Матери.

Селевёрстов еще раз перекрестил меня и Ромку.

– Идите и служите, – после чего отвернулся, пытаясь скрыть слёзы.

Тут с рыданиями Ромку обняла мать. Вперёд выдвинулись старшие братья. Прощание несколько затянулось. Но через пять минут мы наконец-то вышли со двора и направились к трактиру, где продолжался обед цесаревича.

Глава 2

Старые друзья

После отплытия из Черняева на вторые сутки рано утром пришли в поселение Ушакова, в котором осуществили небольшую по времени остановку. По окончании встречи цесаревича и жителей я отпросился у Николая и Головачева до станицы Буссе на пароход-конвоир. Получив разрешение, наконец-то пообщался со своими братьями. Если кратко обобщить полученную первую информацию, то казачья школа в Черняева в большом авторитете среди станичников Приамурья. По похожей программе боевой подготовки стали обучать казаков-малолеток на сборах. От мальков отбоя нет. Приходится устраивать конкурс и отбирать лучших.

По зиме первый десяток два года подряд ходил в охрану обозов торгового дома «Чурин и К

». В этом году теперь пойдет второй десяток, если купец Касьянов согласится на такую замену. Старшие-то теперь в конвое у самого цесаревича. Знахарка Марфа чего-то там придумала по медицинской части и дошла до генерал-губернатора Корфа, а тот её за казённый кошт отправил то ли в Иркутск, то ли в Томск к профессорам.

От Ромки узнал, какая кошка пробежала между семьями Савиных и Селевёрстовых. Если сначала жизнь у Семёна и Анфисы складывалась нормально, в любви и согласии, то потом начались трения между свекровкой и снохой. Основным упреком было долгое отсутствие детей, плюс не нравилась независимость Анфисы. Если Семён сначала был на стороне жены, то потом перешёл на сторону матери. Один раз даже попытался поколотить Анфису, но та дала такой отпор, что Сёмка неделю на улице не показывался, пока синяки с лица не сошли. Это также не пошло на пользу для молодого семейства. Даже рождение ребёнка не привело к налаживанию отношений. Селевёрстовы, понятно, во всём поддерживали дочь и обвиняли во всех бедах Семёна, который не смог себя поставить в семье настоящим казаком-мужем. Такая вот грустная история.

Не обошлось и без моих рассказов об учебе в училище, поездке в Санкт-Петербург, награждении, усадьбе и новой службе. Довёл до казачат, что Конвой Его Императорского Высочества будет состоять из четырёх взводов: кубанского, забайкальского, амурского и уссурийского. Кубанцы и забайкальцы уже следуют с цесаревичем. Но охрану несут в основном кубанцы, так как имеют опыт такой службы. Амурцы присоединятся в Благовещенске, а уссурийцы – в Хабаровке. Офицеров в конвое будет шесть человек. Командир сотни подъесаул Головачев, за забайкальцев отвечает сотник Шадрин, за кубанцев – сотник Сердюк. Кто будет от амурских и уссурийских казаков, пока не знаю.

– А ты, Ермак, за что в конвое отвечаешь? – спросил меня Ромка, когда мы вели беседу, расположившись вдоль борта у колеса на корме парохода.

Из-за того, что там всюду дымила труба, в этом месте мало кто располагался из пассажиров судна. А нам надо было поговорить без лишних ушей и в простой обстановке. Колесо шлёпало по воде, заглушая наш разговор, а мы общались как раньше. Постепенно шок от того, что я стал его благородием, у ребят проходил, и с моего разрешения они опять стали звать меня моим боевым прозвищем. Но только один на один.

– А я, Лис, отвечаю в конвое за боевую подготовку казаков, особенно личников цесаревича, и за работу секретных агентов, – ответил я.

– А кто такие личники и секретные агенты? – этот вопрос задал уже Пётр Данилов.

– Дан, существует открытая или даже демонстративная охрана. К такой охране относятся конвойцы. А есть скрытая. Её осуществляют секретные агенты, которые одеты как обычные обыватели и осуществляют охрану в толпе.

– И чего, у нас в станице тоже такие секретные агенты были?

– Были, Дан, были. В Ушакова тоже были. И завтра в Буссе будут. А потом в Благовещенске.

– Вот это да! Здорово! – восхищенно произнёс Леший. – Это тебе не в лесу спрятаться. А личники-то кто, Ермак?

– Это те, Леший, кто непосредственно рядом с цесаревичем находятся. Ты заметил, что у нас в станице и в Ушакова государя наследника всегда четыре кубанца охраняли, беря его в коробочку со всех четырёх сторон. Вот они и есть личники. Их основная задача – уберечь цесаревича от любых покушений на него, даже ценой собственной жизни.

– И мы тоже личниками будем? – с восторженным придыханием спросил Ромка.

– Имею такие планы, братья, на вас. И по секретной части помогать будете.

Все ребята оживлённо загудели. А я смотрел на них и думал о том, что мою фразу защищать ценой своей жизни они не пропустили мимо ушей. Просто казачата-казаки к этому готовы и, если надо, действительно отдадут свои жизни за будущего императора.

– А когда, Ермак, учить нас начнёшь? – это спросил немногословный Тур.

И его вопрос понравился мне больше всего. С кубанцами и забайкальцами были большие проблемы в этом вопросе. Учиться у сопляка им не хотелось. Больше восьмидесяти процентов казаков в этих взводах были прошедшие огонь, воду и медные трубы. То, что я пытался до них донести, воспринимали если не в штыки, то очень к этому близко. Не для казака все эти премудрости. Они сами с усами. Кого надо, заломают хоть голыми руками. А если что – верная шашка под рукой. Поэтому основную ставку на кандидатов в личники и ребят в секретную часть делал на молодежь. А пока всё шло со скрипом. Только мои награды да хорошее

отношение со стороны цесаревича и спасали поначалу. Сейчас стало полегче. Потихоньку стал завоевывать авторитет.

– Сейчас и начнём, – краем глаза я увидел старшего урядника Тимофеева, который направлялся в нашу сторону.

– Ваше благородие, – обратился ко мне урядник, – как приказывали, револьверы и чушки, ну пистолетники распаковали. Всё готово.

– Молодец, Тимофеев.

– Рад стараться, ваше благородие.

– Селевёрстов и остальные в колонну по одному следуем за мной, – отдав команду, повернулся к уряднику. – Веди, Тимофеев.

Урядник быстро довёл меня до каюты на первой палубе, которая использовалась как небольшой склад вооружения для конвоя. Зайдя в неё, я увидел разложенные на единственном столе укороченные револьверы системы Смита-Вессона в количестве десяти штук, а рядом на полу лежали двадцать штук кобур. Десять для открытого ношения и десять для скрытого.

Стоящий у стола старший урядник из забайкальцев, фамилии которого еще не запомнил, спросил:

– Ваше благородие, будем выдавать?

– Будем, но сначала объясню казакам, что это такое, как пользоваться, и потом будешь выдавать, да и патронов на каждого по тридцать штук не забудь, – сказав это, взял со стола один револьвер, а с пола поднял две разные кобуры.

Выйдя из каюты, отдал кобуру для скрытого ношения Тимофееву, а сам развернулся к десятку, который выстроился вдоль борта.

– Внимание, казаки! Все личники будут вооружены револьверами системы Смита-Вессона в полицейском исполнении. Для их открытого ношения будете пользоваться данной кобурой.

Я показал казакам сделанную по моим эскизам открытую поясную кобуру для револьвера в стиле «а-ля американский коп». Сформированный под оружие кожаный чехол, фиксация револьвера ремешком под курком, удобное ношение за счет крепления на поясе с любой стороны и под любую руку.

За эти револьверы и кобуры пришлось выдержать нешуточный бой с полковником Ширинкиным и главным начальником охраны его императорского величества генералом Петром Александровичем Черевиным. Если по вооружению секретных агентов они были согласны, то дать казакам конвоя револьверы не хотели ни в какую. Это оружие офицеров. Только устроенное на полигоне показательное соревнование между секретными агентами и казаками конвоя смогло переломить их мнение.

Результатом этой показухи стал полный проигрыш кубанцев со стандартным вооружением конвоя агентам, вооруженным револьверами. Даже ввосьмером они условно не смогли защитить охраняемое лицо от нападения двух сотрудников секретной охраны. При этом казаки конвоя «гибли», не успев применить оружия. Даже один из офицеров первой кубанской сотни, присутствовавший на этих соревнованиях, не успел достать из своей шикарной кобуры стандартный русский «смит-вессон». Да и шнур, который крепился к рукояти револьвера, а потом к шее сотника, несколько мешал офицеру условно вести прицельный огонь по нападавшим.

А когда я и ещё один агент, которому очень понравился показ стрельбы по-македонски, и мы с ним хорошо потренировались, стреляя с двух рук, за девять секунд поразили двадцать четыре мишени, вопрос о необходимости вооружения казаков конвоя револьверами как бы решился, но не до конца. Черевиным было принято соломоново решение: все тридцать секретных агентов, приданных Конвою Его Императорского Величества, будут вооружены револьверами, даже двумя. А вот из казаков вооружены будут только личники – тридцать два человека, по восемь казаков из каждого взвода. Вот и получили на вооружение конвоя сто револьверов и по триста патронов на ствол. Каждый патрон пришлось выгрызать у Ширинкина с боем. А ещё сто кобур, из которых пятьдесят для открытого ношения и пятьдесят для скрытого. Понять логику, по которой было выдано такое количество чехлов для оружия, так и не смог. Скрытно револьверы должны были носить тридцать агентов. Если им выдают по два револьвера, то надо шестьдесят кобур скрытого ношения, если только один, то надо тридцать. А для открытого ношения необходимо всего тридцать две ольстры. Такая вот интендантская математика.

Данные воспоминания пролетели у меня в голове, пока я, подозревая Ромку, прилаживал у него на поясном ремне кобуру. Потом на нём же показал, как крепится наплечная для скрытого ношения. После этого дал команду десятку получить оружие и снаряжение. Через пятнадцать минут всем прибыть на бак судна в форме для тренировки, с поясной кобурой и револьвером. Проконтролировав получение под роспись нового для братьев вооружения, направился в свою каюту, чтобы также переодеться для занятий. Не в парадной же форме по палубе кататься.

Через указанное время на баке передо мной стояла коробка три на три человека и Ромка, расположившийся на правом фланге. «А вот это проблема, – подумал я, глядя на привычный для наших первых занятий ещё четыре года назад строй. – Они же у меня на тройки разбиты. И сработались уже в них так, что понимают друг друга на подсознании. Ладно, что-нибудь позже придумаем».

– Господа казаки! Сегодня вы получили новое оружие – револьвер системы Смита-Вессона малой русской модели тридцать восьмого калибра, как говорят американцы, или три и восемь линии, как говорят у нас. Данное оружие выпущено небольшой партией для Конвоя Его Императорского Высочества, в котором вы теперь несёте службу, – я сделал небольшую паузу, оглядывая десяток, а потом продолжил: – Револьвер на двадцать пять лотов легче и на два дюйма и три линии короче русского «смит-вессона», который на четыре и две линии. Самовзводный. Патроны на бездымном порохе. Так как их не очень много выдано, в большей степени будем тренироваться вхолостую, сухую.

– Ага, в сухую! Опять семь потов сойдет, – тихо прошептал Сыч, то есть Савин Евгений, младший брат мужа Анфисы, но я его услышал.

– Казак Савин! – рявкнул я. – Если раньше с вас всех семь потов сходило, то теперь дюжина, а то и больше сходить будет. Вы теперь не только сами в живых остаться должны, но самое главное – сохранить жизнь государя наследника. Тебе это понятно, Евгений?

– Так точно, ваше благородие!

– А остальным?

– Так точно, ваше благородие!

– Вот и отлично. Продолжу. На тридцати-сорока шагах данный револьвер нисколько не уступает офицерскому револьверу. Ну а дальше личников расстояние как бы не особо должно волновать. Это уже забота других колец охраны. Вы последний рубеж, и вас не должны пройти. А чтобы не произошло такой беды – придётся многому учиться. Сегодня первое занятие будет посвящено новому оружию и первым азам работы с ним. До Благовещенска будете заниматься по шесть-восемь часов тем, что я вам сегодня покажу. А по приезде в город, где у нас будет длительная остановка, начнём изучать тактику действия личников в различных ситуациях.

– Вашбродь, дозвоьте вопрос? – несколько нагло вато обратился ко мне старший урядник из забайкальских казаков, которых человек десять подошли к крайней каюте на носу, чтобы понаблюдать за занятием.

– Задавайте, урядник, – ответил я, заранее готовясь к какой-то каверзе. С забайкальским взводом казаков мне ещё не приходилось плотно общаться. Присоединившийся в Иркутске, данный взвод был пока на вторых ролях в охране цесаревича, которую несли кубанцы.

– А что это за таки... тактика такая? И какие ситуации? Охраняй, и всё, – урядник победно огляделся вокруг.

– Государь наследник будет совершать поездки, как сейчас на пароходе или корабле, следовать верхом, на коляске или ходить пешком, – начал я ответ. – Вы должны будете его охранять в это время. Защищать, когда он будет дома, в рабочем кабинете, в присутственном месте, во время приёмов, встреч с народом, балов. Должны будете быть готовы спасти цесаревича во время урагана, наводнения. При нападении бандитов. Для всех этих условий имеются определённые действия, которые надо выучить так, чтобы их делать не задумываясь.

– Что же, вашбродь, по-вашему выходит, что мы ничего не умеем? Так, что ли? – с усмешкой спросил ещё один урядник, стоящий рядом с задавшим первый вопрос казаком.

– Что-то, как хорошие казаки, умеете, иначе вас бы в конвой государя наследника не взяли бы. Но! Как телохранители вы пока не обучены. Если не верите, давайте проведём небольшую учёбу. Вы урядники, так как стоите впереди, первая пара личников охраны цесаревича. Стоящий за вами казак станет государем наследником, которого вы охраняете. А еще два казака за ним – вторая пара личников, – я указал рукой на трёх казаков. – Очень хорошо, что вы с винтовками. Судя по всему, сотник Шадрин своё дело знает. Итак, вы готовы?

Оба урядника, усмехаясь, посмотрели мне в глаза, а потом мотнули головой в согласии. Не дожидаясь кивков остальных казаков, я выхватил из кобуры револьвер, взвёл курок и навёл его между урядниками, при этом заорал, надрывая связки, пытаюсь психологически задавить условных противников:

– Оружие на палубу, су...! Быстро! Стреляю... – выстрел перед ногами казаков, а дальше пошёл малый петровский загиб вперемешку с требованием бросить оружие.

Ошалевшие от выстрела и такого напора казаки застыли столбом, потом казак, который должен был изображать цесаревича, со стуком уронил свою винтовку на палубу, за ним бросили винтовки остальные. Я убрал револьвер в кобуру, а потом, изобразив правой рукой пистолет, выстрелил пять раз. Паф, паф, паф, паф, паф, переводя палец с одного казака на другого.

– Итак, господа казаки, – спокойно продолжил я. – Конвой убит, цесаревич тоже. Вы свою задачу, господа, проср... провалили, потому что к ней не готовы.

– Сняголов дурной, – произнёс первый из разговорившихся урядников и, сняв папаху, вытер ею вспотевшее лицо. – Нам говорили, что окаём, но чтобы такой...

– Что-то не устраивает, урядник?

– Ваше благородие, да не будет никогда офицер в государя наследника стрелять, – заговорил второй урядник, также вытирая лицо папашой. – Ни в жизнь такого не будет.

– Будет или не будет, об этом поговорим позже. Надо до вас всех кое-какую информацию довести, чтобы шоры с ваших глаз упали...

В это время, расталкивая казаков, на бак парохода пробился сотник Шадрин, который в последний момент чуть не упал, споткнувшись о винтовку, валяющуюся на палубе.

– Что здесь происходит, хорунжий? Что за выстрел?

– Господин сотник, я попытался на практике доказать казакам забайкальского взвода, что нести службу как личная охрана цесаревича, несмотря на все свои умения, они ещё не готовы.

– Тимофей Васильевич, а для этого обязательно надо было стрелять?

– Думаю, Михаил Петрович, после сегодняшней демонстрации нам будет легче найти общий язык со станичниками. Не так ли, урядник?

– Так точно, ваше благородие. Старший урядник Лагунов, – натянув папаху на голову, казак вытянулся во фрунт.

– Оружие подберите, господа казаки. Если хотите посмотреть занятие дальше, то разойдитесь по борту. Тем более, восемь казаков из вашего взвода скоро получат такие же револьверы и будут заниматься по такой же схеме. Проведению занятий не мешать, не прерывать. Каждые двадцать минут буду делать перерывы, во время которых можно будет задавать вопросы. Всем понятно?

– Так точно, – дружно рявкнули в ответ и забайкальцы, и мой десяток.

После этого казаки, подобрав с палубы винтовки, быстро стали выстраиваться вдоль борта, и количество их после выстрела выросло почти до двадцати человек.

– Ловко вы их, Тимофей Васильевич! Они ваши команды теперь быстрее моих выполняют. А я-то сначала подумал, что бунт казаки творят. А вы, оказывается, с ними занятие такое интересное провели.

– Михаил Петрович, подскажите, а что означают слова «сняголов» и «окаём»? Впервые слышу, – задавая вопрос, я отвел сотника в сторону, чтобы нас не

слышали казаки.

Из объяснения сотника я понял, что на старославянском сняголов – это сорвиголова, лихой головорез, а окаём – полный отморозок по понятиям девяностых годов моего мира. В общем, по мнению сотника именно такие и становились лихими атаманами да князьями в ушедших веках.

Нашу беседу с Шадриным прервал какой-то гражданский тип, закутанный в теплый халат длиной до пола.

– Господин сотник, не соизволите ли сообщить, что здесь происходит? Почему такой шум? Немедленно прекратите его и стрельбу!

«А это что за хрен с бугра?» – успел подумать я про себя, прежде чем Шадрин заговорил.

– Сотник Шадрин. Сударь, представьтесь. С кем имею честь разговаривать?

– Надворный советник Лихачев Алексей Александрович. Следую в Хабаровку в канцелярию наместника Дальнего Востока государя наследника цесаревича великого князя Николая Александровича.

Мне показалось, что сейчас этого гражданского подполковника разорвет от спеси и самодовольства. Такого апломба я не видел давно. Если только у того чиновника из Горного управления, который погиб при уничтожении банды Золотого Лю. Ни фамилии, ни звания его я уже не помнил. Но там самомнения было не меньше, если не больше. В общем, мало того что дурак, так еще и в образе, который между тем продолжал вещать.

– Сотник, я требую прекратить этот шум!

– Ваше высокоблагородие, что-то требовать от сотника и меня имеет право цесаревич и, может, ещё человек десять, включая его императорское величество. Перед вами два обер-офицера лейб-гвардии отдельной сотни Собственного Его Императорского Высочества Наследника Государя Цесаревича личного конвоя. Этот пароход выделен для личного состава конвойной сотни, её вооружения и снаряжения. Каким образом вы оказались на данном пароходе? – с

каждой фразой я подпускал всё больше и больше металла в свой голос. – Как я думаю, данным вопросом в Благовещенске займутся представители жандармского корпуса.

Ни разу не видел, чтобы человек так быстро преображался. Только что был самодовольный и спесивый индюк, а через мгновение перед вами воришка, которого поймали за руку. Затравленный и бегающий по сторонам взгляд. Какая-то съежившаяся фигура. Надворный советник как-то разом стал меньше ростом.

– Господин хорунжий, понимаете, на пароходе, который выделен был для канцелярии его императорского высочества, мне не досталось каюты, которая соответствовала бы моему положению. А на этом пароходе капитан – мой дальний родственник. Вот я с ним и договорился. Я не думал даже, что нарушаю какие-то инструкции и положения, господа.

Лихачев начал потихоньку оживать. Что же, добьем шпака.

– Ваше высокоблагородие, а вы, оказывается, находчивый и решительный человек, – восхищенным голосом заговорил я. – Только вчера цесаревич в моём присутствии вместе с его превосходительством Сергеем Михайловичем Духовским искали предприимчивого, смелого и решительного человека, который бы возглавил гражданскую администрацию острова Сахалин. Желательно в чине надворного советника, чтобы было место для роста. Завтра в станице Буссе я обязательно расскажу о вас его императорскому высочеству.

Алексей Александрович удивил ещё раз. Выражение его лица, фигуры, облика по мере моего повествования опять менялось разительно: ожил, расправил плечи, герой, насторожился, сломался. Прошептав что-то похожее на «честь имею, господа», от нас с сотником уходила сгорбившаяся фигура со старческой шаркающей походкой.

– Да-а... Тимофей Васильевич, умеете вы с людьми разговаривать, что с младшими чинами, что с высокими. Как бы господин Лихачев пулю себе в висок не пустил от такой перспективы, – ухмыляясь, произнёс Шадрин, глядя в спину надворного советника, который уже дошел до лестницы, по которой надо было подниматься на палубу с люксовыми каютами.

– Такие не стреляются, Михаил Петрович, – ответил я, задумчиво наблюдая за Лихачевым. – Давайте поспорим на пачку патронов, что сегодня вечером он придёт ко мне, чтобы вручить взятку или как-то по-другому попытается отблагодарить за несколько изменённую в его пользу информацию для цесаревича.

– И вы примете мзду, Тимофей Васильевич? – удивлённо посмотрел на меня сотник.

– Ну что вы, Михаил Петрович. Додавлю этого мозгляка и заставлю его написать расписку, что он будет работать на секретную часть охраны его императорского величества. Такие обычно стучат как полковые барабаны.

– Что делают, Тимофей Васильевич? – округлил глаза Шадрин.

– Пишут агентурные донесения на всех с такой скоростью, как барабанщик палочками стучит по музыкальному инструменту, который называется барабан.

Сотник захохотал, показав ровные и белоснежные зубы, которым можно было только позавидовать.

– Ну, вы и уморили меня, Тимофей Васильевич. Стучит как барабан, – вытирая выступившие слёзы, произнес Шадрин. – Вы сами придумали такую аналогию?

– Нет, это полковник Ширинкин так выражается. Ещё он говорит – стучит как дятел в ж...

Сотник опять весело рассмеялся, я же, посмотрев назад, увидел ожидавших начало занятий казаков. Пора заканчивать веселье.

– Извините, Тимофей Васильевич, ещё один вопрос. Я пока так и не понял, а каковы ваши обязанности в сотне? На адъютантские не похожи, – уже серьёзно спросил Шадрин.

– Михаил Петрович, охраной его императорского величества командует генерал-лейтенант Черевин, а замом у него полковник Ширинкин, который организует взаимодействие с Министерством внутренних дел, корпусом жандармов,

войсковыми подразделениями, руководит секретной службой и всё в таком роде. Вот и я в нашей сотне буду осуществлять такие же обязанности. Плюс боевая подготовка конвойцев и личников.

– Да уж. Не позавидуешь вам, после всего, что я услышал. У нас-то слухи другие ходили – любимчик цесаревича. Спаситель!

– Михаил Петрович, чтобы не было недоразумений между нами. На последней встрече с императором Александр Третий попросил меня сохранить ему сына. Я поклялся ему выполнить эту просьбу. И сделаю для этого всё, что в моих силах.

– Тимофей Васильевич, – Шадрин резко принял стойку смирно. – Я вам клянусь приложить все свои силы, чтобы просьба его императорского величества была выполнена. Можете на меня положиться. Забайкальцев своих в бараний рог скручу. Они любой ваш приказ выполнят. Хотя этого уже не требуется. Мои казаки и так уже ваши.

– Спасибо, Михаил Петрович, – я протянул руку сотнику, который с силой её сжал. – Давайте начинать занятие. Казаки заждались.

– Вы занимайтесь, Тимофей Васильевич, а я пойду, поговорю с капитаном парохода. Вдруг выяснится, что у нас ещё есть неучтённые пассажиры. Я этого надворного советника видел пару раз, но думал, что всё нормально.

– Правильно, Михаил Петрович. Как-то этот вопрос я упустил из виду. Проверьте. Этот пароход выделен только под конвойную службу. Завтра в Буссе на него придут пять человек из секретной части. После Благовещенска разместятся остальные казаки амурского взвода. Возможно, кто-то из сотрудников будущей канцелярии наместника. Но они все пойдут по отдельным, утверждённым цесаревичем спискам.

Проводив взглядом ушедшего сотника, я вернулся к строю моего десятка.

– Немного отвлеклись. Продолжим занятие, – произнёс я, став перед строем казачат.

– Ваше благородие, дозвоьте ещё один вопрос, перед тем как начнёте? – услышал я вопрос за спиной.

Повернувшись кругом, увидел урядника, который был в паре с Лагуновым.

– Урядник?

– Старший урядник Каргин, – казак вытянулся по стойке смирно. – Извиняйте, ваше благородие, но вы сказали, что надо до нас какую-то информацию довести, но сотник Шадрин вас прервал.

– Хотел, но позже. Хотя, – я оглядел внимательно слушавших наш разговор забайкальцев, расположившихся вдоль борта. – Немного расскажу сейчас, чтобы вы все поняли, с чем придётся столкнуться при охране цесаревича.

Казаки застыли, ловя каждое моё слово. Спиной почувствовал, как наострили уши мои казачата.

– Все вы знаете, что в апреле семьдесят девятого года было совершено покушение на государя Александра Освободителя, – начал я. – Отставной коллежский секретарь Соловьёв, а этот чин соответствует сотнику, три раза прицельно и ещё два раза при задержании выстрелил в царя.

Казаки возбуждённо загалдели, посыпались пожелания и дальше гореть в геенне огненной отступнику от веры, покушавшемуся на жизнь самодержца российского и царя-батюшки.

– Государя тогда спасло только то, что фельдшер Майман возмущённо окликнул Соловьёва, который шёл к императору, держа руки в карманах пальто, чем привлёк внимание государя, – казаки разом затихли, слушая меня. – Дальше царь-батюшка, несмотря на свой возраст, сумел уклониться от первых двух выстрелов, от третьего его закрыл вахмистр полиции Милошевич, который в партикулярном платье в отдалении сопровождал государя. Четвертый выстрел Соловьёв сделал после того, как его саблей плашмя по голове ударил штабс-капитан Кох. Пятый выстрел ушёл в воздух, когда на злоумышленника накинулся собравшийся народ. Таким образом, преступник умудрился осуществить выстрелы в самодержца, причем с очень короткой дистанции. И только чудо спасло царя.

Казачи опять загалдели, как только я сделал паузу.

– Этого могло бы не произойти, если бы охрана более грамотно среагировала на угрозу жизни императора, – я чуть повысил голос, заставляя утихнуть казаков. – И штабс-капитан Кох, и вахмистр Милошевич при первой же угрозе охраняемому лицу должны были сразу же открыть огонь на поражение из револьверов, которые у них были, а не бегать с саблей за преступником и не закрывать царя своим телом.

– Это что же, по своему стрелять? – спросил кто-то из казаков.

– Любой покушающийся на жизнь царственной особы – враг. И он должен быть незамедлительно уничтожен. И не важно, кто это будет – офицер, чиновник или женщина.

– В бабу стрелять? – изумлённо выдохнул урядник Лагунов.

– Лагунов, тебе мало Веры Засулич, которая стреляла в петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова? Понадобится, придётся стрелять. Поэтому, господа казаки, тем, которые хотят служить в конвое, особенно личником цесаревича, придётся ломать в себе некоторые нравственные устои. И это тяжелее, чем научиться хорошо стрелять или рубить шашкой. Перед вами будет скрытый враг, а не тот, к которому вы готовились. И эта вражина, чтобы убить цесаревича будет готова бить исподтишка, а если понадобится, то и пожертвует для достижения цели свою жизнь. Поэтому перед тем как записаться в личники, подумайте над тем, что я вам сейчас рассказал.

– А я-то думал, как почётно будет в конвое служить, – тяжело вздохнул один из забайкальцев.

– Это точно, – с не менее тяжелым вздохом поддержал его другой казак.

– Всё, закончили разговор. Следующие вопросы через двадцать минут занятий.

– Ваше благородие, дозволейте ещё один вопрос?

– Какой, Лагунов?

– А почему этим малолеткам, пусть и награжденным, вы раньше нас дали револьверы?

– Понимаешь, урядник, с этими казаками я съел не один пуд соли и через многое успел пройти. У каждого из них за плечами есть убитые в бою хунхузы. И обучены они уже многому, – говоря это, я резко развернулся к казачатам, выдёргивая из кобуры револьвер.

Ребята не подвели. Два года без меня бока не пролёживали, а продолжали тренироваться. Строй мгновенно рассыпался. Кто перекатом, кто прыжком, кто кувырком мои братья уходили с линии огня, не мешая друг другу. При этом больше половины успели достать револьверы и, пусть неумело, но нацелиться на меня. Отставшие возились с ремешком кобуры.

– Едрёна-матрёна, – только и смог произнести за моей спиной Лагунов. Остальные забайкальцы стояли с открытыми ртами.

Повернувшись назад к уряднику, я потёр стволом револьвера лоб над переносицей.

– И ещё, Лагунов, они уже научились быть всегда готовы отразить любую опасность, а также знают мои своеобразные шутки.

– Едрёна-матрёна, они все окаёмы и сняголовы... – произнёс урядник, пытаясь вернуть глаза и челюсть на место.

После этой демонстрации умений казачат наконец-то начал занятия. Сначала учились просто выхватывать револьвер из застегнутой кобуры. Потом становиться в тактическую боевую стойку для стрельбы. Заодно показал и стойку Вивера. Дальше пошли упражнения с выходом в стойку после команд: противник слева, справа, сзади. Стойка для стрельбы с колена, лежа, на боку, в перекате, в движении. Я вместе с десятком выполнял все упражнения. Надо было тренироваться, пока есть такая возможность.

Занятие длилось почти четыре часа, из которых половина ушла на объяснение казакам, включая и мой десяток, зачем всё это нужно. Когда тренировка закончилась, ко мне подошел сотник Шадрин, который смотрел на все эти

безобразия часа два.

– Да, Тимофей Васильевич, Сердюк рассказывал мне, как вы гоняете его кубанцев. Но лучше один раз увидеть. Очень интересно и поучительно. Только зачем вы вместе со всеми по палубе кувыркались и всё выполняли так же, как простой казак?

– Михаил Петрович, надо себя в форме держать. Да и личный пример казаков стимулирует.

– Представляю, какие разговоры сегодня будут между моими забайкальцами. Но я вижу, что вам надо привести себя в порядок. Жду вас на ужин.

После ужина, где с Шадриным обсудили текущие дела, состоялась встреча с Лихачевым. Разговор был непростым, но закончился тем, что надворный советник дал расписку о сотрудничестве и выбрал псевдоним «Артист». А мне так хотелось обозвать его «Козёл», но, как говорится, дерьмо-то оно дерьмо, но наше дерьмо. Будем и с таким работать. Перед сном подвёл итоги дня и остался ими доволен. Пообщался от души с братьями, неплохо потренировался, с командиром забайкальцев и ими самими наладил хорошие рабочие взаимоотношения. Получил первого агента своей секретной службы. Каждый бы день так. С этими мыслями провалился в сон, надеясь увидеть в нём свою Анну-Светлану.

Глава 3

Коммерция

– Дорогой Тимофей Васильевич, как я рад вашему посещению моего дома, – Александр Васильевич Касьянов, как всегда похожий больше на английского аристократа, чем на купца, шёл мне навстречу с радостной улыбкой на лице. – Вы позволите по русскому обычаю?

После этих слов Александр Васильевич, обняв меня, расцеловал три раза.

– Как вы возмужали, Тимофей Васильевич, с момента нашей последней встречи. Настоящий боевой офицер, отмеченный высокими наградами, – Касьянов, сделал шаг назад, с какой-то отцовской любовью во взгляде рассматривал меня. – Прав я был, когда предрекал вам великое будущее. Почти четыре года назад молодой, но неординарный казачок, сейчас хорунжий и Георгиевский кавалер. Надеюсь дожить до того момента, когда буду обращаться к вам, Тимофей Васильевич, – ваше превосходительство.

– Александр Васильевич, не смущайте меня комплиментами, как девицу. И я тоже очень рад вас видеть.

– Всё, умолкаю, и давайте пройдем за стол. Надеюсь, не забыли, что в это время я обычно завтракаю.

– Прекрасно помню, Александр Васильевич, – ответил я, увлекаемый купцом по коридору в сторону гостиной. – Поэтому и прибыл без приглашения к этому времени, надеясь застать вас дома.

– Очень этому рад, Тимофей Васильевич. Признаться, когда два дня назад при встрече государя наследника увидел молодого хорунжего в его окружении, сам хотел искать встречи с вами. Но, слава богу, вы опередили меня.

Под эти слова мы вошли в гостиную, где всё те же горничные, что и почти четыре года назад, сервировали стол. Потом был прекрасный, как всегда, завтрак, во время которого я рассказал о тех событиях, которые произошли со мной за это время. Завтрак закончился. Касьянов, плеснув в бокал немного коньяку, закурил сигару. Я же, налив в небольшую емкость вишневого ликёра, смочил в нём губы, наслаждаясь прекрасным вкусом.

– Итак, Тимофей Васильевич, внимательно слушаю вас, – купец с серьёзным выражением лица смотрел на меня.

– Александр Васильевич, как я уже сказал, я являюсь одним из обер-офицеров конвойной сотни его императорского высочества. Добавлю только, что отвечаю за деятельность секретной охраны государя наследника. Вот о некотором сотрудничестве с вами в этом направлении мне и хотелось поговорить.

Касьянов, чопорно поджав губы, с каким-то сожалением посмотрел на меня.

– Тимофей Васильевич, уж не вербовать ли меня в сексоты пришли? Признаться, не ожидал. Да и мундир на вас тогда другой должен быть, – купец сожалеюще покачал головой, а глаза его зло блеснули.

– Ну что вы, Александр Васильевич! Как вы только могли такое подумать обо мне?! Вербовать одного из экономических столпов на Дальнем Востоке. Окститесь! – я развёл руки в стороны, показывая своё возмущение. – Нет, я пришёл поговорить о возможности небольшой коммерции между вами и мной.

– И что же это за коммерция? – спросил купец, но заинтересованности в его глазах я не увидел. Там поселился лёд.

– О, коммерции, очень выгодной обеим сторонам. Как вы думаете, какой товар самый дорогой в торговле и приносящий наибольшие дивиденды, Александр Васильевич?

– Оружие, спирт, золото, драгоценные камни, опиум... – начал перечислять Касьянов, но я перебил его.

– Нет, уважаемый Александр Васильевич. Самый дорогой товар – это нужная информация. Вспомните свои же слова, сказанные вами в одну из наших встреч. Там шепнули, здесь шепнули, проанализировал и получил информацию, без которой успех в торговле невозможен.

– Какая же информация вам нужна от меня? – спросил отчуждённо Касьянов.

– Александр Васильевич, мне нужны сведения, которые напрямую касаются безопасности государя наследника. Поверьте, меня не интересуют разговоры за столом, где обсуждаются вопросы о том, что монархическая власть устарела и надо что-то менять. Меня интересует в первую очередь, что в городе появились люди, которые не те, за кого себя выдают. Информация о том, что кто-то пытается купить оружие и взрывчатку в обход установленных правил. В общем, всё, что можно трактовать, как попытку устроить покушение на охраняемую мной особу.

– И чем же я буду отличаться от сексота? – спросил купец, с каким-то вызовом глядя на меня.

– Что же, жалко, что мы не поняли друг друга, – я поднялся из-за стола. – Спасибо, Александр Васильевич, за хлеб и соль. Всего доброго. Честь имею.

Я направился на выход из гостиной. Уже выходя из комнаты, услышал вопрос в свою спину:

– Тимофей Васильевич, куда направить ваши деньги, которые хранятся в нашем доме?

Резко повернувшись, я брезгливо посмотрел на купца.

– Оставьте их себе, Александр Васильевич, в знак благодарности за всё, что вы в своё время для меня сделали. Желаю вашему торговому дому и дальше процветать на просторах Дальнего Востока. Пока ещё под российским флагом.

Кивнув головой, чётко повернулся кругом и чуть ли не строевым шагом пошёл по коридору. Уже у самой входной двери меня догнал купец.

– Тимофей Васильевич, постойте, не уходите. Извините меня. Давайте вернёмся за стол и всё ещё раз обсудим.

Я развернулся и посмотрел в глаза Касьянова. Какого-то чувства вины или раскаяния я там не увидел. Но определённый интерес был.

– Хорошо, Александр Васильевич. Давайте попробуем ещё раз.

Молча вернулись в гостиную и сели за стол.

– Тимофей Васильевич, вы произнесли фразу – пока под российским флагом. Неужели всё так плохо?

– Александр Васильевич, вы же умный человек. Скажите, что произойдёт, если наследник престола будет убит? Убит здесь, как наместник Дальнего Востока? Ваши прогнозы?

– Вы знаете, так сразу и не ответишь. Вариантов множество, – Касьянов как-то нервно плеснул в бокал коньяка и залпом его выпил. – А что, есть сведения, что на цесаревича готовится покушение?

– Есть варианты, Александр Васильевич. И их очень много. Покушение могут осуществить оставшиеся на свободе «народовольцы», которые сейчас за рубежом разделились на несколько фракций, некоторые из них также настроены вести революционный террор. Есть определённые силы в Китае, Корее и Японии, которые готовы развязать с Россией войну, используя как повод для этого смерть цесаревича. Наши островные друзья англичане, американцы, да и немцы также могут приложить руку к этому.

– Война... – Касьянов заметно побледнел. – Не хотелось бы такого. Не знаю, как считают при дворе и наши военные начальники, но, на мой взгляд, мы не готовы.

– Поверьте, Александр Васильевич, государь в курсе проблем Дальнего Востока. Для скорейшего развития его экономического положения, которое позволит содержать необходимое количество войск для ведения боевых действий по защите наших земель, государь наследник сюда и направлен.

– Экономическое развитие... – горько усмехнулся Касьянов. – Тимофей Васильевич, а вы в курсе того, какие таможенные тарифы здесь ввели год назад?

– Нет, Александр Васильевич. Признаюсь, у меня были другие проблемы, которые я должен был решать. Но с удовольствием послушаю вас.

– Вы знаете, если бы у нас в России всё делалось так, как советуют умные люди... Если будет возможность, обязательно ознакомьтесь с работой Менделеева «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с её общим таможенным тарифом 1891 года». К сожалению, та экономическая политика протекционизма, которая осуществляется последние годы на Дальнем Востоке, и новые тарифы привели к тому, что импортные товары мы вынуждены закупать в Москве.

Касьянов ещё раз горько покачал головой и закурил сигару. Пару раз пыхнув дымом, он продолжил:

– В последнее время вместо того, чтобы привезти американский, английский, немецкий товар из Китая или Кореи, мы вынуждены его доставлять из Москвы. Путь товаров в Благовещенск длится пять месяцев, так как он проходит по маршруту Москва – Одесса – Владивосток – Николаевск – Благовещенск. За товар нужно рассчитывать в Москве до первого февраля, и тогда он появится в Благовещенске к концу июля. Если закупаться чуть позже, есть риск остаться на зиму во Владивостоке. Или всё перевозить обозами. Представляете, какие это расходы?

Я согласно кивнул головой.

– А надо успеть расторговаться, получить деньги для новых закупок товара. Мало-то товара вести невыгодно. А всё продать не успеваешь. Значит, необходимо дополнительное кредитование. Кроме нас, торговцев, в свободных капиталах нуждаются золотопромышленники. Вы знаете, Тимофей Васильевич, сколько только в Амурской области золотых приисков?

– Откуда, Александр Васильевич, – ответил я, заинтересованный рассказом купца об экономических трудностях местных акул капитализма.

– Хорошо, я вам скажу. На январь девяносто третьего года только в Амурской области насчитывается триста пятнадцать официальных золотых приисков, которые по скромным подсчётам добывают около четырехсот пудов золота в год. И при этом больше половины уходит в Китай, где на него цены выше, чем даёт казна. Если сами не можете купить по нормальной цене, то дайте возможность официально продать тому, кто дает большую цену! А не заниматься контрабандой.

Купец покраснелся лицом и, произнося последние фразы, начал энергично жестикулировать рукой, в которой была зажата сигара. Видимо, высказывался мне о наблевшем.

– Представляете, Тимофей Васильевич, только в Хабаровке есть отделение Государственного банка с минимальным капиталом, который даже кустарную и зарождающую заводскую промышленность кредитами обеспечить не может. Наш дом оказывал финансовую помощь по кредитованию нуждающимся в этом, но после ввода новых таможенных тарифов сами еле сводим концы с концами. Свободных капиталов не хватает. – Касьянов обречённо махнул рукой. –

Экономическое развитие – как много в этих словах. Английские, американские и японские суда в наших территориальных водах ведут браконьерский промысел вдоль всего тихоокеанского побережья. Не отстают от них и китайские браконьеры. Тимофей Васильевич, сотни китайских джонок, шаланд и шхун свободно заходят в залив Петра Великого, где бесконтрольно загружаются трепангом, морской капустой и вывозят всё в Китай безданно и беспошлинно. Только трепанга вывозят больше двух тысяч пудов в год. Вы представляете, какие деньги мимо казны идут, Тимофей Васильевич?

Честно говоря, я был несколько шокирован этой информацией, а особенно теми цифрами, которые прозвучали. В девяностых в постсоветском бардаке творился такой же беспредел, но конкретных цифр я не знал. Здесь же цифры прозвучали, и они для этого времени были огромными.

– Помимо трепанга ведётся незаконный промысел морского гребешка, мидий, крабов, осьминогов. Про то, как вырезаются целые лежбища сивучей, больно говорить, – Касьянов глубоко затянулся сигарой, покатав дым во рту, выпустив его, несколько успокаиваясь, произнёс: – Мы эти проблемы решить не можем, а вы говорите, экономическое развитие. Неужели думаете, что если сюда прибыл государя наследник, то всё волшебным образом разрешится?

«Это вряд ли», – подумал я про себя, а вслух произнес:

– Александр Васильевич, надеюсь, что назначение наследника наместником Дальнего Востока позволит ускорить решение данных проблем.

– Дай бы бог, – Касьянов широко перекрестился, а я последовал его примеру.

Купец некоторое время помолчал, пытаясь сигарой. Потом, видимо, что-то решив про себя, произнёс:

– Тимофей Васильевич, возвращаясь к нашему разговору. Я понял, какая вам нужна информация. И дам задание своим доверенным людям собирать её. Извините ещё раз за моё поведение. Теперь понимаю, что только ещё одного покушения на государя наследника нам не хватает, чтобы возник хаос. Кроме того, поговорю со своими друзьями. Постараюсь их убедить также искать необходимую вам информацию. Но передавать её буду только вам.

– Огромное спасибо, Александр Васильевич, – мысленно переведя дух, ответил я. – Может быть, вам нужна какая-то моя помощь?

– Вы знаете, Тимофей Васильевич, нужна. Я по какой надобности хотел с вами встретиться... Мы с друзьями подготовили докладную записку на имя генерал-губернатора Корфа о необходимости открытия в Благовещенске отделения Государственного банка. Там не только просьба, но и экономическое обоснование, со всеми необходимыми расчетами. Теперь с учетом того, что наместником назначен сам государь наследник, не могли бы вы передать ему данную записку? – Касьянов выжидательно посмотрел на меня.

– Сегодня же она будет на столе цесаревича, – ответил я.

– Спасибо, Тимофей Васильевич. Только доклад находится у меня на работе. У вас будет время, чтобы заехать за ним? Потом вас отвезут, куда укажете.

– Найдётся, Александр Васильевич, но лучше поторопиться, – я допил рюмку ликёра. – Мне скоро на доклад к его высочеству.

Прибыв через некоторое время в выделенный мне и Головачеву крохотный кабинетик, где с трудом разместили два письменных стола, пару стульев и небольшой шкаф, быстро пробежал глазами доклад Касьянова. Я, конечно, не экономист и не финансист, но зная будущее развития Дальнего Востока, мог по этому документу сказать одно – очень толково и обоснованно. Осталось только передать цесаревичу.

С момента начала выдвижения на Дальний Восток его нового наместника я каждый день докладывал Николаю о планах, задачах конвойной службы и её секретной части на день и как были выполнены поставленные задачи за предыдущий день. Сегодняшний доклад должен был быть несколько обширнее обычных, так как содержал много сведений, полученных от агентов по Благовещенску. Весь вчерашний вечер вместе с коллежским секретарём Кораблевым Николай Алексеевичем просидели в этом кабинете, сводя все полученные агентами данные в краткую выжимку. Ребята Кораблева поработали очень неплохо, особенно учитывая плачевное состояние дел у местной полиции и у жандармов. Основной бедой была острая нехватка личного состава.

Вчера только узнал, что полицейские функции в Амурской области осуществляло Амурское окружное полицейское управление, которое было образовано только пять лет назад и включало участкового начальника, трех приставов, столоначальника, секретаря и трех толмачей. Девять человек на четырнадцать тысяч населения в Амурской области, не включая городов, и на территорию почти в пятьсот тысяч квадратных вёрст. В самом Благовещенске, где сейчас проживало народу больше, чем во всей Амурской области, был полицмейстер, два следственных пристава, один полицейский надзиратель, переводчик, столоначальник и двадцать пять городских. К ним добавляются два представителя Сибирского жандармского округа. И всё. Как хочешь, так и борись с преступностью и революционерами. Нет, было ещё одиннадцать окружных полицейских по количеству казачьих округов, да горная полиция, которая подчинялась только горным исправникам и содержалась на частные средства. Но в городе они нам не помощники при охране цесаревича.

Получалось, что Кораблев и его десять секретных агентов с их подготовкой в количественном отношении, если не считать нижних чинов, превышали полицию и жандармерию Благовещенска, про качество лучше вообще промолчать. По словам одного из старших агентов, только с одним из следственных приставов да обоими жандармами можно иметь дело. С остальными дуболомами лучше не связываться, чтобы не вышло хуже. А охранять нам Николая в этом городе, судя по всему, не десять дней, как это планировалось раньше. Вчера Головачев сообщил мне, что государь наследник соизволит задержаться в Благовещенске, чтобы лучше ознакомиться с жизнью этого города.

Как я думаю, наследничек решил оторваться за долгие месяцы пути в аскетической обстановке. Хабаровка – это административный центр. Владивосток – большая стройка. Развлечься в этих городах негде. А здесь на перекрёстке улиц Никольской и Большой здание офицерского собрания. Двухэтажное, с открытой верандой, с гостиной, где проходят балы, музыкальные вечера, неплохая бильярдная, столовая. Прямо напротив офицерского собрания здание общественного собрания с театральной залой, в которой каждый театральный сезон проходила премьера. А в этом году даже две: оперно-опереточная и драматическая. Драматическая, правда, погорела через два месяца, а первая до сегодняшнего дня продержалась без убытка.

Я взял со стола папку для ежедневного доклада и достал из неё несколько фотографий. А ничего так актрисочки. Фигуристые. И мордашки даже очень ничего. Лишь бы новой Матильды не образовалось. Хотя это не мне решать, а

Николаю. Моё дело заключается только в том, чтобы проверить тех девочек, с которым, возможно, пожелает встретиться наследник. Надо, кстати, дать команду Кораблеву, чтобы выяснил, какой в городе лучший врач по венерическим заболеваниям. Надо будет этих бутончиков обязательно осмотреть.

Я тяжело вздохнул. Сегодня как-то придётся извернуться, чтобы уточнить планы цесаревича по поводу времяпровождения в городе. Официальная программа у меня была, и все охранные мероприятия по ней уже запланированы и отработаны. А вот сколько ещё времени проведёт Николай в Благовещенске сверх программы, мне неизвестно. Что собирается делать, тоже не знаю. А экспромтов нам не надо. Ещё раз тяжело вздохнув, я взял свою папку, доклад Касьянова и направился на прием к наместнику Дальнего Востока.

– Разрешите войти, ваше императорское высочество?

– Входите, Тимофей Васильевич. Я сегодня за вами с утра отправлял несколько раз, но вас не могли найти!

– Ваше императорское высочество, с разрешения подъесаула Головачева я с утра отлучался в город для встречи в рамках службы секретной части.

– И с кем же вы встречались, если это не секрет? – цесаревич действительно заинтересованно смотрел на меня. – Сегодня вы впервые покинули меня, не уведомив об этом!

– Ваше императорское высочество, по протоколу встреч сегодня до обеда у вас был запланирован приём генерал-губернатора барона Корфа, поэтому я счёл возможным отпроситься для встречи с купцом первой гильдии Касьяновым Александром Васильевичем.

– Неоднократно слышал эту фамилию. Об этом купце много говорят. Барон Корф сегодня также несколько раз упоминал его. А зачем вы с ним встречались, Тимофей Васильевич?

– Ваше императорское высочество, у Ивана Яковлевича Чурина несколько ухудшилось здоровье, и теперь Александр Васильевич управляет практически всеми делами торгового дома «Чурин и К

». А этот дом имеет отделения, магазины во всех крупных населенных пунктах Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже Маньчжурии. Если перечислять только крупные города, то это Иркутск, Сретенск, Благовещенск, Хабаровка, Никольское, Владивосток. Есть торговые лавки в Инкоу, Мукдене, Гирине, Порт-Артуре, Харбине. Это огромная торговая сеть, и не воспользоваться её информационными возможностями для обеспечения вашей безопасности было бы глупо. Тем более меня в своё время связывали с Александром Васильевичем довольно близкие взаимоотношения.

– Тимофей Васильевич, неужели вам удалось уговорить купца делиться информацией? В это тяжело поверить!

– Действительно, ваше императорское высочество, мы сначала разругались. До полного разрыва отношений. Потом всё-таки договорились.

– И что, этот Касьянов ничего не попросил взамен? Вот в это точно не поверю! Какие привилегии ему нужны?

– Попросил, ваше императорское высочество, – я протянул цесаревичу папку с докладной запиской Касьянова. – Здесь просьба Александра Васильевича с экономическим обоснованием о необходимости открытия в Благовещенске отделения Государственного банка со значительным капиталом.

– Да, Тимофей Васильевич, вы и ваши знакомые не перестаете меня удивлять. Интересная просьба, – Николай встал из-за стола и подошёл к окну. – Вы не поверите, Тимофей Васильевич, но около двух часов назад я обсуждал этот вопрос с бароном Корфом. Генерал-лейтенант Духовский, присутствующий на этом приёме, полностью поддержал данную инициативу, которая, по словам барона, должна в несколько раз ускорить экономическое развитие Приамурья и всего Дальнего Востока.

Цесаревич вернулся за стол, открыл папку и углубился в чтение. Через некоторое время закрыл её и, посмотрев на меня, задумчиво произнёс:

– Практически то же самое сегодня по этому вопросу говорил генерал-губернатор. Здесь более развернутая статистика и экономические расчёты. А больше ни о чём купец не просил?

– Только передать данную просьбу-доклад, ваше императорское высочество, – быстро ответил я.

– И как же вы собираетесь дальше стимулировать такого секретного сотрудника и агента? – Николай с какой-то иронией смотрел на меня.

– Также делиться с Касьяновым кое-какой информацией, – глядя в глаза цесаревичу, ответил я.

– И какой же?

– Ваше императорское высочество, допустим, вы приняли решение об открытии отделения Государственного банка в Благовещенске до первого октября этого года. О вашем решении и о конкретных сроках будет знать небольшое количество служащих вашей канцелярии. Большинство узнает только при открытии банка. И если я расплачусь такой инсайдерской информацией с Касьяновым за достойные сведения, которые позволят обеспечить вашу безопасность, то, по-моему, это будет равнозначный обмен. Александр Васильевич вы из такой информации сможет получить неплохие экономические дивиденды.

– Интересное предложение и забавное словосочетание – инсайдерская информация. Какой смысл, Тимофей Васильевич, вложили в эту фразу?

– Информация, известная ограниченному кругу лиц и которая может значительно повлиять на экономические показатели на рынке.

– Что же, если информация от Касьянова будет действительно стоящей, то можете ему сообщить, что мною действительно принято решение об открытии отделения Государственного банка в городе Благовещенск первого ноября этого года. С министром финансов Витте данный вопрос по телеграфу решён.

– Спасибо за разрешение и информацию, ваше императорское высочество, – я склонил голову.

– Тимофей Васильевич, всё собираюсь и забываю спросить. Вы знаете английский язык? Просто у вас в речи часто англицизмы встречаются.

– Да, ваше императорское высочество, могу говорить, писать и читать на английском и значительно лучше, чем на французском и немецком. Эти языки знаю на уровне шестилетней гимназии. Также немного говорю и знаю небольшое количество иероглифов на китайском, корейском и японском языках, – ответил я, думая про себя, что про пушту и чеченский умолчу.

– Изрядно, Тимофей Васильевич, – цесаревич удивлённо покачал головой. – Чем больше мы общаемся, тем больше интересного о вас я узнаю.

– Ваше императорское высочество, на настоящий момент на Дальнем Востоке перемешались народности, говорящие на множестве языков. Шесть, которые я перечислил, это минимум, необходимый для того, чтобы добросовестно выполнять свои служебные обязанности по вашей охране, особенно в её секретной части.

– Высокие у вас запросы и требования к знаниям, необходимым для моей охраны, – цесаревич улыбнулся. – Ну, так мне теперь только спокойнее будет.

Но на мгновение в глазах Николая промелькнул испуг и чувство незащитности, как у маленького мальчика.

– Что у нас по ежедневному докладу? – справился с собой наследник.

– Ваше императорское высочество, подъесаул Головачев сегодня знакомится с тридцатью казаками-амурцами, которые выбраны для службы в конвое. Завтра и послезавтра будут решаться хозяйственные вопросы по их размещению, обмундированию, вооружению. Кубанцы несут службу согласно расписанию постов и караулов. Забайкальцы готовятся. Завтра их первый десяток заступает во внешний круг охраны. Агенты секретной части продолжают собирать информацию. – Я протянул папку для ежедневных докладов цесаревичу. – Ваше императорское высочество, здесь кратко изложены сведения, которые агенты собрали, готовясь к вашему приезду в Благовещенск. Статистика, данные о значимых людях, досуг и прочее. Из требующей особого внимания информации считаю полученные сведения о некоторых волнениях среди рабочих на Александровском прииске Хинганского горного округа и в Ниманской компании. К сожалению, горное руководство неохотно, а точнее никак не идет на сотрудничество с представителями Сибирского жандармского округа.

Николай, который внимательно читал докладную записку, лишь кивнул головой. Мол, услышал и принял к сведению. За последнее время интерес к делам у Николая значительно вырос. Речь, конечно, не шла о работе от зари и дотемна или о том, как работал его отец. Но часа четыре в день цесаревич уже посвящал обязанностям наместника Дальнего Востока, и, как я видел, с каждым днём эти обязанности нравились ему всё больше. Хотя я мог и ошибаться, так как на большинстве рабочих встреч цесаревича не присутствовал. Николай предпочитал принимать чиновников, служащих, посетителей тет-а-тет. Только два конвойца при наследнике изображали статуи во время этих встреч. И то мне и Головачеву из-за этого пришлось выдержать целую войну с наследником престола.

– Интересно получается, – цесаревич оторвал голову от бумаги. – В Благовещенске проживает жителей больше, чем во всей Амурской области?

– Это так, ваше императорское высочество, – я, подтверждая, кивнул головой. – В городе легче выжить, найдя работу. Тем более Благовещенск расстраивается и развивается, только шестьдесят шесть кирпичных заводов работает. В этом году купец второй гильдии Иван Петрович Чепурин запустил сразу чугунолитейный и механический заводы. Сто пятьдесят шесть торговых лавок в городе. Можно сказать, что Благовещенск – это торговый и промышленный центр Дальнего Востока. Хабаровка – административный центр. А Владивосток станет морским военным щитом и морскими воротами наместничества.

– Да, интересные данные. Оставьте их у меня, я ещё раз эту статистику почитаю. А я вам, Тимофей Васильевич, доклад барона Корфа дам почитать. Там все данные по различным ведомствам разбиты, общей картины не видно. Переработаете? – Николай вопрошающе посмотрел на меня.

– Так точно, ваше императорское высочество, – ответил я, приняв стойку смирно.

– Не тянитесь во фронт, Тимофей Васильевич. И раз у нас сегодня доклад так затянулся, берите стул и садитесь к столу.

Я взял ближайший стул и присел сбоку от стола, за которым разместился цесаревич.

– Тимофей Васильевич, а что это у вас за выражение лица было, когда к столу подходили? – поинтересовался Николай.

– Ваше императорское высочество, да мелькнула мысль одна. Сейчас постараюсь её сформулировать. Ангарск, Иркутск, Благовещенск и административный центр Дальнего Востока – Хабаровка. Может быть, лучше переименовать в Хабаровск? И Ерофей Павлович Хабаров не забыт, и название города благозвучнее будет.

– Тимофей Васильевич, – после небольшой паузы произнёс цесаревич. – Вы позволите эту идею у вас украсть и озвучить её завтра на малом совете?

– Ваше императорское высочество, с большим удовольствием.

– Спасибо. Что у нас дальше по докладу? – наследник довольно улыбнулся.

– Ваше императорское высочество, дальше идут списки наиболее значимых жителей Благовещенска с их краткой характеристикой. Успели собрать начальную информацию на семьдесят восемь человек. Данная работа будет продолжена и расширена.

– Значит, вы, Тимофей Васильевич, идею сбора информации на всех более-менее известных личностей Дальнего Востока так и не оставили?

– Так точно, ваше императорское высочество. Если около известного человека появляется какая-то тёмная личность, получить об этом информацию будет проще. Хотя следующее задание, которое получили агенты, это установить и наиболее известных преступников, контрабандистов Благовещенска. Криминальный мир также надо изучать.

– Хорошо. Передайте своим агентам, что я доволен их работой.

– Слушаюсь, ваше императорское высочество. Обязательно передам. Только это люди полковника Ширинкина. Ими они и останутся. А вот по поводу набора в секретную часть я хотел бы отпроситься на завтра до обеда. Мне необходимо встретиться с директором мужской гимназии, да и в ремесленное, которое пятилетнее, также хотел бы зайти.

– Надеетесь найти кандидатов в секретную службу? – спросил цесаревич, механически перелистывая доклад о значимых лицах города.

– Может быть. И очень на это надеюсь. Просто не знаю, где искать. Принцип хоть кого в нашем случае не подходит. А у меня есть только десяток Кораблева. Если вы разрешите, ваше императорское высочество, то на полставки можно десяток моих станичников поставить. Всё равно буду их привлекать. Но в полицейские, несмотря на хорошие оклады для агентов, они не пойдут. Быть лейб-гвардейцем для них в тысячу раз почётнее. Тем более первые в станице.

– Я не против, Тимофей Васильевич. Надо только всё это грамотно оформить по ведомствам. А братья, как вы их называете наедине, достойны дополнительного вознаграждения. Я уже убедился, что многие казаки конвоя пытаются не упасть в грязь лицом перед этой молодёжью. А значит, качество обучения и самой службы растёт.

– Так точно, ваше императорское высочество, – мои губы самопроизвольно расплзлись в довольной усмешке.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, завтра до обеда можете быть свободны. Займитесь поиском кандидатов в агенты. Вам теперь как пауку надо создавать свою сеть. Евгений Николаевич, признаться, большой мастер этого дела. Но и возможностей у него куда больше.

– Это точно, ваше императорское высочество. Мне бы кадры найти в секретную часть. Кадры решают всё, – беззастенчиво украл я фразу из будущего.

– Ищите и обрящете, Тимофей Васильевич, – с улыбкой произнёс цесаревич, перевернув последний лист доклада о лицах, и наткнулся на фотографии.

– А это кто? – спросил наследник, держа в руках фото ведущей актрисы опереточно-оперной труппы.

– Это прима в оперетте «Цыганский барон», которую вы посетите через четыре дня. О ней и о других артистах есть краткая информация в докладе «Досуг», – ответил я, думая про себя, что эта прима чем-то напоминает Кшесинскую, но, на мой взгляд, даже симпатичнее. Только как её на осмотр к гинекологу-венерологу отправить? И остальных бутончиков. Вот это вопрос!

– Так, оставьте доклад мне, – цесаревич закрыл папку. – Я с ним более подробно ознакомлюсь. А сами можете быть свободны. Займитесь своими делами.

Глава 4

Гимназистки-феминистки

«Да, довелось узнать, что Николаша, оказывается, кричать может, да ещё как, – думал я, глядя на цесаревича, который призывал на мою неумную голову проклятия. – Однако вот это словосочетание очень интересное. Чувствуется, что восточное путешествие наследника на корабле не зря прошло. Так заковыристо только боцманы могут выражаться. Нет, и чего так разнервничался?! Оба-на, уже Кораблеву прилетело. Надо же, где, оказывается, у Николая Алексеевича мозги находятся?! Никогда бы не подумал».

Я и коллежский секретарь Кораблев стояли перед возмущённо вещающим государем наследником уже минут пять. Всё это время цесаревич пытался донести до наших тупых голов, что моё предложение включить в секретную часть его охраны агентами женщин, как бы помягче выразиться, – неправильное. А Кораблев, который меня в этом начинании поддержал, тоже ошибается. Причем это доводилось до нас очень эмоционально, с использованием ненормативной лексики, включая морскую терминологию. А в будущем говорилось, что Николай Второй тряпка, тихий и безвольный человек, который не мог отстоять своё мнение. Хотелось бы мне на эти пять минут поменяться местами с теми, кто всё это писал в Инете. Разнос был просто замечательным, в лучших военных традициях, на пять баллов по пятибалльной шкале. Я бы даже пять с плюсом поставил.

А всё началось вчера. Придя в мужскую гимназию, где шли выпускные экзамены, у надворного советника Соколова я встретил зашедшего к нему в гости директора женской гимназии Бекетова. Во время продолжительного разговора с этими замечательными людьми мы усидели целый самовар, и Пётр Иванович посоветовал мне взять на службу нескольких гимназисток, которые выпускаются у него в этом году. Также было предложена пара кандидатур из прошлогоднего выпуска.

Всё это произошло после дискуссии: почему женщины идут в революцию? Откуда берутся Веры Засулич и похожие на неё? По мнению Бекетова, в последние четверть века в Российской империи идёт быстрый процесс изменения семейных отношений и распространения грамотности среди женского общества. Если раньше знания были доступны только девушкам из высшего света, то теперь образование стало доступно и другим слоям населения. С учетом этого, стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома, но вот доступ к высшему образованию на настоящий момент сильно ограничен. Как следствие, в обычной жизни те же самые гимназистки, по первому разряду закончившие Благовещенскую гимназию, максимум, чего смогут достигнуть – место домашнего учителя. Да и то после сдачи дополнительных экзаменов. А среди выпускниц есть девушки с большими амбициями, но которые не смогут реализовать свой интеллектуальный потенциал.

Видимо, эта причина, по мнению Бекетова, и привела многих девушек и женщин в ряды радикалов-революционеров, где среди их соратников-мужчин они встречали большее уважение к себе, чем в любых традиционных и законопослушных слоях общества. И самое страшное было, по мнению Петра Ивановича, что в очень скором времени таких девушек и женщин будет намного больше. Общество меняется, хотим мы этого или не хотим. Принцип трёх «К» – «Kinder, K?che, Kirche», то есть «дети, кухня, церковь», о котором писали немецкие газеты, цитируя слова Вильгельма Второго о социальной роли женщины в Германии, мало подходит современным русским девушкам. Им нужны другие идеи. Так, может быть, для самореализации некоторых особенно активных девочек служба в секретной охране цесаревича и подойдёт? Это, конечно, против правил и приличий современного общества, но лучше пускай служат, чем пойдут в революцию.

Петра Ивановича с его идеей службы девушек в охране активно поддержал его коллега Соловьев. Кроме того, Константин Николаевич сразу же назвал мне фамилии чуть ли не десятка гимназистов, которых можно было заинтересовать дальнейшей службой в Департаменте полиции в роли секретных агентов, охраняющих государя наследника. Причем это тоже были не только выпускники этого года. Некоторые учащиеся, которые блестяще закончили обучение в прошлом и позапрошлом году, пока ещё не смогли найти достойное место в этом мире.

В общем, сделав краткие выписки по кандидатурам, я вернулся в свой кабинет и с господином Кораблевым обсудил данную проблему. Сначала Николай Алексеевич идею привлечения в секретные сотрудники девушек воспринял в штыки. Но постепенно на примерах я показал ему, насколько это будет выгодно и эффективно. Особенно в области получения разнообразной информации в роли дворянки, купчихи или мещанки. Горничная, учительница, гувернантка и такое прочее. Можно охватить широкий сегмент тех людей, от которых агент мужчина информацию вряд ли получит.

Кроме того, во время больших приемов, балов в дамскую комнату не войдешь. Что там будут делать подозрительные личности женского пола, не проверишь. А если девушек поднатаскать в определённой области рукопашного боя и стрельбы из револьвера, то они станут джокерами в колоде охраны. Кто из злоумышленников сможет подумать, что хрупкая девушка может неожиданно и точно ударить, чтобы обезвредить злодея-преступника, а тем более выстрелить в него!

Воодушевлённый такими перспективами Кораблев вызвался сопровождать меня на ежедневный доклад к цесаревичу, чтобы поддержать в этом нововведении в секретную службу. «Ага, поддержал! Получили оба по самое не балуй. Ладно я, а Николая Алексеевича жалко. Его чистый душевный порыв был грубо истоптан „грязными сапогами будущего императора“», – думал я, глядя на начальника секретной службы, который, сев за стол Головачева, вытирал испарину со лба.

– Признаться, Тимофей Васильевич, такой бурной реакции государя наследника на ваше предложение я не ожидал, – глубоко вздохнул Кораблев.

– Признаюсь, Николай Алексеевич, я тоже, – отвечая, опустился на свой стул и положил на стол папку с докладом. – Хорошо ещё, про детей ничего не успел сказать. А то, чувствую, наша экзекуция продолжалась бы значительно дольше.

– Про каких детей? – главный секретный агент вопросительно уставился на меня.

– Да я подумал, Николай Алексеевич, сил у нашей службы очень мало. Я имею в виду количественный состав. Если наберём тридцать человек в секретную службу, всё равно все направления перекрыть не сможем. Вот раньше как вы поступали, Николай Алексеевич, если кто-то из агентов выявлял подозрительное

лицо?

– Докладывали по команде, а дальше Евгений Николаевич подключал к проверке или Департамент полиции, или жандармов.

– А кого мы подключим здесь, Николай Алексеевич?

– Да... Вы правы, Тимофей Васильевич, подключать-то практически некого. Придётся обходиться своими силами, – еще более грустно вздохнул Кораблев. – Только где они, эти силы? У меня агенты уже с ног валяются.

– Вот именно поэтому я и хотел привлечь к нашей работе детей, которых использовать для слежки за объектами. Скажите, Николай Алексеевич, у вас вызовет подозрение группа ребятишек, которая устроила игру перед вашим домом, с учетом того, что они и так постоянно здесь играют?

– Конечно нет, Тимофей Васильевич, – отвечая, Кораблев развёл руками, показывая, что такая картина априори не может вызвать подозрения.

– А что мешает кому-нибудь из агентов выявить в этой группе детей лидера и предложить тому небольшое вознаграждение, если он во время игры понаблюдает за домом и потом расскажет, кто в него приходил?!

– Да, Тимофей Васильевич, как всё просто. Покупал за свою бытность агентом информацию у дворников, швейцаров, официантов. Иногда приходилось платить большие деньги. Но чтобы подключить к слежке мальчишек? До такого почему-то никто не додумался. И ведь дешевле выйдет.

– Вот о таком обеспечении получения информации надо будет подумать, когда прибудем в Хабаровку. Насколько мне известно, во Владивостоке здание для наместника ещё не готово. Боюсь, в Хабаровке придётся задержаться на длительный срок.

– Как я понимаю, Тимофей Васильевич, об этом новшестве в работе нашей службы рассказывать его императорскому высочеству вы не будете? – ехидно улыбаясь, спросил меня Кораблев.

– Думаю, что не обо всех тонкостях нашей службы государь наследник должен знать, – улыбнулся я в ответ коллежскому секретарю. – Мы сегодня с вами по данному вопросу приобрели большой опыт, общаясь с цесаревичем.

Посмотрев друг на друга, мы почти одновременно рассмеялись.

– Это точно, Тимофей Васильевич. В таком состоянии я видел цесаревича впервые за семь лет моей службы. Кровь Романовых взыграла!

«Сколько там этой крови, – подумал я про себя. – А если Павел Первый сын Салтыкова, то её вообще нет».

В этот момент наша беседа с Кораблевым была прервана вошедшим в кабинет ротмистром Волковым, который исполнял в свите цесаревича роль друга и офицера по особым поручениям. В своё время данный офицер проходил службу в лейб-гвардии Гусарском полку, в рядах которого в рамках программы военного образования два летних сезона проходил службу эскадронным командиром цесаревич. Там Николай и Волков познакомились, сошлись характерами и прониклись обоюдной симпатией. Свидетельством тому был подарок – золотой портсигар с факсимиле: «Евгению Николаевичу Волкову от эскадронного командира Николая», презентованный цесаревичем по окончании своей службы в полку. Во время одной из конных прогулок Николай пригласил молодого офицера сопровождать его в путешествии на Восток. Потом ранение при нападении хунхузов на пароход «Вестник» с цесаревичем на борту, длительное лечение, родной полк, звание ротмистра, орден Станислава третьей степени. А теперь свита его императорского высочества. И такая интересная должность.

С Евгением Николаевичем у нас сложились ровные служебные отношения. Даже можно было их назвать дружескими, насколько это позволяла разница в возрасте, звании и положении около Николая. Но портсигар Волков показал мне после одного из рассказов о совместной службе с цесаревичем. А общаться нам приходилось довольно часто, так как расселяли нас во время путешествия рядом. Личный друг и офицеры конвоя.

– Тимофей Васильевич, – обратился ко мне Волков, – его императорское высочество желает вас немедленно видеть. Пройдемте.

Я вышел из кабинета вслед за ротмистром, поймав сочувствующий взгляд Кораблева. Пока шли до апартаментов цесаревича, думал о том, что ещё могло случиться.

Слава богу, ничего не случилось. Просто государь наследник остыл от тех эмоций, которые были вызваны моим предложением, и теперь решил выслушать мои аргументы. Раньше он этого сделать не смог, так как сразу начал активно выражать своё мнение.

– Тимофей Васильевич, а теперь будьте любезны, обоснуйте необходимость и возможность службы женщин в моей охране.

Цесаревич был само спокойствие и сама вежливость. И не скажешь, что меньше получаса назад выражался в мою сторону как боцман в отношении провинившегося матроса. Быстро сформулировав про себя уже неоднократно рассмотренные с Кораблевым положительные факторы от службы женщин в системе охраны, выкладываю их цесаревичу.

– Значит, вы не предполагаете деятельность женщин-агентов в моём ближайшем окружении?

– Так точно, ваше императорское высочество. Основными задачами данной категории сотрудников будет сбор информации. Кроме того, из кратких характеристик, которые мне сообщил директор женской гимназии, двое из кандидаток знают китайский язык, одна корейский, а одна японский и корейский. При этом читают и пишут иероглифы. Ни один из толмачей в департаменте городской и окружной полиции этого не умеет делать. Они способны только переводить устную речь и говорить.

– Интересные девицы, – произнёс цесаревич с удивлением на лице. – Признаться, удивлён. Во всей моей канцелярии только два переводчика. И признаться, я ещё не знаю точно, с каких языков, и умеют ли они писать и читать на японском, китайском и корейском. Кстати, Тимофей Васильевич, вы мне говорили, что знаете все три языка.

– Да, ваше императорское высочество. Немного говорю и знаю чуть больше тысячи китайских иероглифов, которые также используются и японцами, и корейцами. Но этого мало для повседневного пользования. Надо выучить ещё

хотя бы тысячу. Когда бывает свободное время, я этим занимаюсь. Написание иероглифов – это, вообще, целое искусство. Каждый иероглиф – это не звук, а целый образ. Тяжело на эту письменность перестроиться.

– Всё это интересно, Тимофей Васильевич, но давайте вернёмся к нашей проблеме. Вы настаиваете на необходимости включения в мою охрану женщин? – жёстко спросил цесаревич.

– Нет, ваше императорское высочество, не настаиваю. Но если такие агенты будут служить в секретной части, то, по моему мнению, эффективность деятельности службы возрастет.

– И сколько женщин вы планируете принять на службу?

– Посоветовавшись с Николаем Алексеевичем, мы остановились на пяти кандидатурах. Но, вернее всего, возьмём троих. Всё решится на собеседовании и по результатам негласной проверки кандидатов. Агенты уже начали сбор информации о своих возможных коллегах, – я перевёл дух.

– Хорошо, Тимофей Васильевич, я даю добро на приём на службу в секретную часть женщин. Но не больше пяти. Лучше трёх, как вы планируете. Надеюсь, что это действительно повысит эффективность вашей работы. И как бы мне хотелось увидеть полковника Ширинкина и генерал-лейтенанта Черевина, когда они прочтут в отчёте по штатам дворцовой полиции женские фамилии! – цесаревич мечтательно улыбнулся.

Оставив Николая Александровича мечтать, с его разрешения отправился заниматься своими делами, которых каждый день становилось всё больше и больше. Обучение двадцати шести личников, по восемь от кубанцев и забайкальцев, плюс десяток моих братьев. А скоро уссурийцы добавятся, с которыми ещё найти общий язык придётся. Слава богу, из амурцев мой родной десяток. И спасибо Лису и Туру, которые многое взяли на себя в обучении. Физику, рукопашку они проводили без меня. Сказался их опыт проведения занятий в школе.

С полицмейстером города познакомился, со столоначальником и секретарем также. Один вечер и ночь ушли на знакомство с последними криминальными делами Благовещенска. Также почитал годовой отчет. Всё это было мне

предоставлено городским полицмейстером титулярным советником Леонидом Феофилактовичем Батаревичем. Ознакомившись с бумагой, которую мне выдал главный охранник его высочества генерал-лейтенант Черевин, главный городской полицейский воспылал ко мне любовью. Все мои пожелания по поводу просмотра каких-либо документов выполнялись со скоростью звука. Секретарь даже остался в присутствии на ночь, чтобы снабжать меня новыми томами и папками. За это был ему искренне благодарен.

В общем, после ознакомления с криминальной обстановкой можно было сказать, что Благовещенск – живой город, и умереть в нём очень легко. В среднем одно убийство в день. Такая вот весёлая статистика. В основной массе убийства приходились на китайцев, которых проживало в городе в округе во время сезонных работ больше шести тысяч человек. Все – мужчины в работоспособном возрасте, которые приехали сюда, чтобы заработать. Женщинам и детям выезд из империи Цин был запрещён. Образовавшийся на северо-западной окраине города чайна-таун жил своею жизнью. Следил за порядком и отчитывался перед городскими властями специально избираемый староста. Сезонники не обращали внимания на вопиющую антисанитарию, нищенские условия проживания. Главная цель – заработать денег и сохранить их. В китайском квартале были и курильни опиума, и притоны, с которыми полиция вела безуспешную борьбу, или скорее делала вид, что ведёт борьбу.

У жандармов дела обстояли несколько лучше. В том смысле, что дел практически не было. Да и самих представителей Сибирского жандармского округа в Благовещенске было двое, в Хабаровке трое и двое во Владивостоке. Ситуацию мне объяснил прибывший в Благовещенск вместе с бароном Корфом мой старый знакомый Савельев Владимир Александрович, уже штаб-ротмистр Отдельного корпуса жандармов и начальник отделения при канцелярии приамурского генерал-губернатора. По его словам, минимальное количество населения, проживающего в Приамурском губернаторстве, всего восемь де-юре городов, из которых только Благовещенск и можно назвать городом. С натяжкой Хабаровку. Остальные же города де-факто небольшие поселения. Крупной промышленности нет, высших учебных заведений нет. Горючий материал для революционного движения отсутствует. В общем, тишь да гладь да божья благодать. Поэтому, несмотря на постоянные просьбы расширить штаты, из столицы идут отказы. Но всю необходимую помощь от имеющегося личного состава Савельев пообещал предоставить. Как и кое-какие бумаги на заинтересовавшие меня личности. Опять сегодня допоздна сидеть.

На сегодняшний день у меня была назначена встреча, точнее по моей просьбе дедушка Корф выделил немного своего времени. Надо было с ним решить вопрос по передислокации одной роты Первого Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича батальона. Возвращаясь из восточного путешествия, Николай стал шефом этого батальона, а располагался он в селе Никольское, будущем городе Уссурийске. Нам эта рота нужна была для усиления охраны цесаревича.

После дедушки Корфа встреча со всеми офицерами конвоя, включая сотника Вертопрахова Романа Андреевича, который будет отвечать за амурцев. Надо составить новые расписания караулов, постов, занятий с учетом появившихся дополнительно тридцати казаков. Потом сопровождение наследника в офицерское собрание. Его высочество соизволило захотеть сегодня поиграть на бильярде.

Савельев вечером предоставит возможность ознакомиться с наблюдательными делами по некоторым гимназистам мужского и женского рода, а также представителям интеллигенции Благовещенска. Оказывается, и тут всё-таки есть вершители судьбы России за столом на кухне. Надо найти время выслушать ещё Кораблева с его информацией. Полный аврал! Где бы ещё пару часов в сутки найти? Да на гимназисток-феминисток их с толком потратить. В смысле пообщаться. Ну, это дня через два. После того как Николай Александрович в театр сходит.

Следующие два дня прошли в такой же суматохе. Информация шла лавиной со всех сторон. Дан, точнее казак лейб-гвардии Данилов Пётр Дмитриевич, стал моим секретарём. Видимо, генетика – не продажная девка империализма! Отец Дана, дядька Дмитро, сколько себя помню, писарь в станице, а у сына роль секретаря получилась с первой попытки. Если бы не Пётр, то я бы захлебнулся в том вале бумаг, который на меня обрушился изо всех ведомств.

Видимо, полицмейстер растрезвонил о наличии у меня бумаги от Черевина со смыслом почти как у Ришелье, который выписал гражданскую и правовую индульгенцию для миледи. А согласно внутренним циркулярам все ведомства и учреждения империи должны были немедленно исполнять требования главного начальника охраны и сообщать сведения о замышляемых посягательствах на охраняемых им особ. Вот второй день меня, как представителя генерал-лейтенанта Черевина, заваливали пустыми бумажками из разных ведомств, в основном с выражением верноподданнических чувств.

Вечером в субботу посетили местный театр. Давали оперетту «Цыганский барон». Мне понравилось очень. В той жизни как-то по театрам походить не удалось. Здесь посетил первый раз и был очарован. Не знаю, как играют актёры в столичных труппах, но здесь прима в роли Саффи была просто великолепна. Её лирико-драматическое сопрано, как мне объяснили знатоки про её голос, завораживало. Остальные актёры также пели красиво и замечательно.

Глядя на актрису, которая играла роль Арсены, я улыбнулся про себя, вспомнив доклад Кораблева, как был организован по моей идее осмотр бутончиков врачом-венерологом. Отличился один из старших агентов – Павел Николаевич Михайлов, который специализировался благодаря своей внешности на добывании информации от женщин. Наш герой-любовник за пару дней охмурил подружку примы и так отработал в постели, что девушка была на седьмом небе от счастья. В перерыве между первым и вторым актом любви Паша предложил воспользоваться мазью для усиления чувственности, которую он по случаю приобрёл в городе. Мазь, а точнее то, что произошло дальше, настолько понравилось девице, что она выпытала у агента адрес нашего врача-венеролога. Ну а тот сообщил ей, что для лучшего применения необходимо пройти полный осмотр, для уточнения ингредиентов мази.

Сегодня был только пятый вечер со дня изобретения доктором «мази для чувственной любви», кстати, не знаю, что он туда намешал, но через его кабинет, по докладу Кораблева, прошли не только все актрисы театра, но уже больше двух десятков жительниц славного Благовещенска. Моя идея оказалась финансово очень выгодной для господина доктора. А тот сначала так упирался и не хотел подписывать Кораблеву бумажку с согласием немного поработать на такое уважаемое учреждение, как дворцовая полиция!

Из театра перебрались в зал общественного собрания, где продолжился вечер актёров театра, цесаревича со свитой и местного бомонда. Закончилось гулянье поздно, а с утра из апартаментов Николая Александровича величаво выплыла Элеонора Мелодист, девица двадцати трёх лет, незамужняя, урождённая в семье военного дирижера. В детстве обучалась в Киевской музыкальной школе Пименовой, позднее брала уроки пения у Тартакова. На оперной сцене дебютировала в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году в Киеве. Придерживается прогрессивных взглядов на отношения мужчины и женщины, прима опереточно-оперной труппы и просто красивая женщина с кошачьей грацией. В жизни выглядит намного лучше, чем на фото. В каких-либо порочащих связях замечена не была. В содержанках не состояла. Но, по слухам,

могла подарить ночь любви понравившемуся мужчине. Видимо, цесаревич ей понравился. «Везёт Николаю: то балерина Матильда, то певица Элеонора», – подумал я, глядя на проплывающую мимо меня красавицу.

Сегодня на квартире, снятой одним из агентов, состоялась встреча с первой кандидаткой на службу в секретной части охраны цесаревича – Марией Александровной. Отцом девушки был потомственный купец Александр Филатьев, чей предок Остафий Филатьев ещё в семнадцатом веке скупал пушнину от Туруханска до Приамурья. А мать была из первых беглецов корейцев, которые зимой тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года в количестве шестидесяти пяти душ по льду перешли пограничную реку с удэгейским названием Тумень-Ула. Сейчас она обозначена по-русски как река Туманная, а по-корейски – Туманган.

Перешли и построили фанзы в пятнадцати верстах от военного поста Новгородского. Так было основано первое невоенное поселение из корейцев в Южно-Уссурийском крае в долине реки Тизинхе, теперь река Виноградная. Не прошло и года, как был снят первый урожай кукурузы, проса, ячменя и овощей. При этом корейские крестьяне помогли русским военным сделать запасы крупы. Все остались довольными. Солдаты тем, что их меню разнообразилось, а корейцы тем, что под защитой русской армии их никто в Корею не вернёт и не предаст смертной казни.

Вскоре многие корейцы приняли православие, а девятнадцать лет назад молодая девушка по имени Ван встретила с молодым купцом первой гильдии Александром Филатьевым, который завернул в эти края по торговым делам. Восемнадцать лет назад на свет появился плод этой любви – Мария, которая сейчас скромно примостилась на стуле передо мной.

Как успел узнать из досье на девушку, японскому и корейскому языку, а также чтению и письму на них Марию обучила её бабушка по материнской линии. Будучи незаконнорожденной от феодала «янбана», получила хорошее воспитание и образование. Но любовь зла. Бабушка Марии полюбила простолюдина «пхёнмина». Отец отвернулся от дочери и забыл о её существовании. Неурожаи заставили семью, в которой росли уже трое детей, включая девятилетнюю старшую дочь, спастись в России.

Российско-корейская граница имела продолжительность чуть больше шестнадцати вёрст и проходила по реке Тумень-Ула, которая была шириной от

семидесяти до ста сажений. Перекрыть такой небольшой участок границы не составляло труда. Корейские пограничники могли заметить даже единственного пловца. Но корейские «пхёнмины» бежали в Россию не поодиночке, а целыми семьями, даже целыми деревнями. При этом тащили с собой все пожитки, хозяйственную утварь, гнали имевшуюся скотину. Такой табор мог перейти границу только с ходу, то есть по льду реки. Кроме того, при удачном побеге из Кореи зима давала затем время для подготовки к весеннему севу на новом месте.

Такие подробности я узнал от Кораблева, когда знакомился с досье. А сейчас я листал страницы личного дела Марии Александровны Филатьевой, искоса наблюдал за девушкой, а про себя думал, что такой кадр надо брать стопроцентно. Красавица! Метисы почти всегда получаются симпатичными, но передо мной сидела обалденная красавица с азиатским шармом. Умница! Почти все оценки по дисциплинам гимназии выше десяти баллов. Спортсменка! Первое лицо женского пола, которое вошло в клуб велосипедистов города Благовещенск, состоящий пока из восьми членов. Папа любимой дочке ни в чём не отказывает. Даже велосипед приобрёл и специальное платье для езды заказал.

«Осталось только добавить „комсомолка“», – подумал я и задал первый вопрос.

– Мария Александровна, вы подписали документ, который был представлен коллежским секретарём Кораблевым?

Девушка посмотрела на меня своими блестящими карими глазами и тихо ответила:

– Да.

– Сведения, которые вы сейчас услышите, являются секретными и не предназначены для дальнейшего распространения, – я ласково улыбнулся собеседнице. – Надеюсь, вам это понятно?

Мария несколько испуганно посмотрела на меня и кивнула головой в знак согласия.

– Очень хорошо, Мария Александровна. Перед тем как продолжим наш разговор, представляюсь. Извините, что не сделал этого раньше. Обер-офицер Конвоя Его Императорского Высочества хорунжий Аленин-Зейский. Зовут Тимофей Васильевич.

– Тот самый?! – в глазах девушки зажглось любопытство.

– А что вы подразумеваете под этим вопросом?

– Вы тот самый молодой казак Тимофей Аленин по прозвищу Ермак, который два года назад государя наследника Николая Александровича собой от пули бандита закрыл?

Личико у несколько возбудившейся эмоционально Филатьевой стало настолько симпатичным, что я даже про себя мысленно вздохнул сожалеюще, что на работе «неззя...». Точнее, не рекомендуется. Да и письмо от Анечки фон Дерфельден пару дней назад получил, полное, так сказать, дружбы с небольшими намёками на более сильное чувство. Н-да... дилемма.

– Если вы об этом, тогда тот самый, – сухо ответил я.

– А это было больно?

«Да, всё-таки мужское и женское мышление, как и логика, сильно различаются. Вот это вопрос?! Нет, мля, не больно! Встал после этого и пошёл шашкой крушить супостатов дальше!» – подумал я про себя, а вслух ответил:

– Когда попала пуля, было не больно. Просто потерял сознание. А вот после того, как пришёл в себя, было очень больно. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, – серьёзно ответил я девушке. – Но давайте вернёмся к нашему разговору, который как раз касается охраны цесаревича. Кроме лейб-гвардии отдельной казачьей сотни Собственного Его Императорского Высочества личного конвоя, в охране государя наследника задействованы также секретные агенты дворцовой полиции. Одним из таких сотрудников, точнее сотрудницей, я вам предлагаю поработать.

Если вам хотелось бы увидеть очень большие, почти как у совы, глаза у корейнки, то надо было присутствовать при нашем разговоре и моей последней фразе. Симпатичные карие очи госпожи Филатьевой, которая всё же была больше похожа на мать, стали круглыми, потеряв свой азиатский разрез.

– Вы серьёзно, Тимофей Васильевич? – кое-как выдавила из себя вопрос, как я уже для себя решил, будущая агентесса секретной части.

– Мария Александровна, если вы подписали бумагу о неразглашении сведений, которые вам станут известны, и об ответственности, если это всё же произойдёт, неужели я буду так глупо шутить?!

– А чем я буду заниматься? – спросила постепенно приходящая в себя Филатьева.

– Мария Александровна, я хотел бы сначала услышать ваш ответ: согласны или не согласны. А после этого я расскажу о будущей секретной работе.

– Я согласная! Конечно, согласная! – вскочила со стула со сверкающими глазами девушка, напомнив мне своей комсомольской готовностью ко всему Павку Корчагина, только в юбке.

– Очень хорошо, Мария Александровна. Сядьте на место, – дождавшись, когда девушка присядет на стул, я продолжил: – Ваша работа будет заключаться в следующем. Основное – это проверка на благонадёжность лиц, которые будут иметь доступ к цесаревичу. Кроме того, вы будете обязаны знать в лицо всех живущих при дворце или месте, где будет проживать государь наследник. Знать в лицо всех неблагонадежных лиц, фотографии которых имеются в секретной части. Также будет востребовано ваше знание японского и корейского языков, особенно умение читать и писать на них. Под руководством господина Кораблева Николая Александровича, который командует секретной частью охраны цесаревича, пройдёте специальное обучение. Вас научат, как с помощью грима изменять свою внешность, специальным приемам рукопашного боя, стрельбе из револьвера и другим премудростям. Например, обнаружение и опрос свидетелей, собирание вещественных доказательств, наружное наблюдение, косвенные улики, антропометрия и фотография.

Пока я всё это перечислял, лицо Филатьевой с каждым словом принимало всё более восторженное выражение, а в глазах полыхало счастье.

«Да, не ошибся Пётр Иванович Бекетов в этой кандидатуре. Чёрт в юбке, а не девушка. Но симпатичная такая чертовка», – подумал я, глядя на девушку.

– Кроме вас на службу планируется принять ещё минимум двух девушек. Так что будет с кем переносить все тяготы и лишения службы в секретной части дворцовой полиции. А теперь о приятном. Как младший агент вы будете получать семьдесят рублей в месяц, – я улыбнулся, увидев, как опять удивлённо округлились глаза Филатьевой. – Плюс к этому ежегодно ещё сто рублей на личные расходы для службы. Это на одежду, грим и прочие мелочи. Пока ещё окончательно не определено, но вернее всего, все девушки будут приняты на службу как вольноопределяющиеся. С учётом вашего образовательного ценза через год можете попытаться сдать экзамены. Если пройдёте эти испытания, то получите первый чин коллежского регистратора.

Нет, я просто таю сегодня от умиления. Какие глаза у Маши свет Александровны! Ещё пара таких удивлений, и в нормальный разрез они уже не вернутся.

В общем, первое собеседование с кандидаткой прошло успешно. Из ещё четырёх кандидатур женского пола остановились на двух, которые в прошлом году закончили гимназию. Через четыре дня тройка агентесс вместе с Кораблевым, четвёркой агентов старичков и ещё десятью вновь принятыми из гимназистов выдвинулись в Хабаровку, которую скоро, возможно в июне, должны были переименовать в Хабаровск. Там они должны были отработать объекты, по требованиям принятых инструкций и регламентов, а также начать обучение молодёжи.

По планам цесаревича мы должны были задержаться в Благовещенске ещё дней на десять-двадцать. Николай Александрович был очарован Элеонорой и о своих должностных обязанностях наместника как-то подзабыл. Если раньше часа четыре, а иногда и пять он уделял работе, то теперь к нему можно было попасть только с утра в течение пары часов. Остальное время он проводил с оперной дивой, что доставляло охране немало хлопот. Такое отношение цесаревича к жизни стало несколько напрягать. Я почувствовал себя телохранителем мальчика-мажора и прожигателя жизни. Хорошо, что в конце мая произошло событие, которое позволило лично мне развлечься, а некоторым лицам с

большими погонами задуматься.

Глава 5

Фукусима Ясумаса

Я сидел в своём кабинетике и читал стопку бумаг различного содержания, которую мне вручил Дан. Большинство бумаг мой секретарь отправлял «в корзину», после того как я объяснил ему, что меня интересует, а что можно выкидывать, не читая.

«Итак, что у нас здесь. Сводка от полицмейстера за прошедшие сутки. Два убийства. Все в чайна-тауне. Кто? За что? Как обычно, свидетелей нет. На контакт с полицией никто не идёт, – анализировал я информацию про себя, пробегая глазами лист. – В общем, китайцы, как всегда, изображают три обезьяньи фигуры, закрывающие лапами глаза, уши и рот. По-русски в прошлой моей жизни означало: „Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу“. А на самом деле, как я недавно узнал, эти три обезьяны в Китае символизируют собой идею недеяния зла и отрешённости от неистинного. Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него. Вот такая философия! Но в случае расследования убийств русский вариант подходит лучше. Свидетелей нет, так как никто ничего не видел и не слышал, а если видел и слышал, то не скажет».

Следующей была записка от жандармов, прочитав которую я тихо выпал в осадок. Нет, я понимаю, точнее, слабо ещё понимаю современную действительность. Но чтобы такое? Перечитав записку ещё раз, я убедился, что моё зрение меня не подвело и информацию я усвоил правильно. В записке же говорилось, что сегодня или в течение ближайших двух дней в Благовещенск должен прибыть Фукусима Ясумаса, который в звании майора сухопутных войск служил военным атташе посольства Японии в Германии. А теперь второй год путешествует по Российской империи, совершая спортивный конный переход из Берлина в Токио.

«Охренеть и не встать! – я ещё раз перечитал документ. – Это что же получается, официальный разведчик спокойно передвигается по территории

империи?! И ему ещё и торжественные встречи организуют? Это уму непостижимо!»

Обуреваемый такими мыслями, я направился к штабс-ротмистру Савельеву, благо он вместе со всей свитой генерал-губернатора Корфа размещался в соседнем здании. И в это время должен был быть у себя.

– Разрешите, Владимир Александрович? – постучав, я открыл дверь кабинета Савельева.

– А, Тимофей Васильевич, проходите. Рад вас видеть. Сейчас чайку распоряжусь подать. Что вас в такую рань привело ко мне?

– Владимир Александрович, привела ваша же служебная записка о скором прибытии в Благовещенск майора Фукусимы. Хотелось бы поподробнее узнать о данном господине. И как вообще могло такое произойти? Офицер Генерального штаба Японии, стопроцентный разведчик, свободно передвигается по территории Российской империи?!

– Что же, как вы сказали, по данному господину кое-какая информация имеется. Получили из Министерства иностранных дел. Секундочку.

Штаб-ротмистр поднялся и направился к небольшому шкафу, откуда достал толстенькую папку. Вернувшись с ней за стол, начал перебирать хранящиеся в ней листы. Выбрав пару из них, достал и передал мне.

– Как чувствовал, что понадобится. Забрал с собой сюда наиболее важные бумаги, – Савельев невесело усмехнулся. – Не очень-то их и много.

Я, пропустив мимо ушей последнюю фразу главного жандарма Дальнего Востока, вчитывался в информацию, содержащуюся в двух листках.

Итак, что мы имеем. Фукусима Ясумаса родился в тысяча восемьсот пятьдесят втором году. «Для сорока лет крепкий дяденька, – подумал я про себя. – Больше двенадцати тысяч километров уже безостановочно намотал. Ладно, читаем дальше». Родился в городе Мацумото в провинции Нагано в самурайском клане Такэда.

«Вот это да! Как рассказывал мне мастер Чжао, который обучал меня в первой будущей жизни бою на шестах, самураи семьи Такэда быстры как ветер, спокойны как лес, яростны как огонь, непоколебимы как гора. Такой у данного клана был девиз. Этот знаменитый японский род вёл свою родословную от императора Сэйва. Шестой потомок императора Минамото-но Ёсимицу разработал айки-дзюцу. Вообще, начиная с двенадцатого века и продолжительное время в несколько столетий семья Минамото была одним из главных правящих кланов Японии. И из неё вышли многие известные бойцы и правители. Вот, значит, чей ты потомок, господин майор!» – быстро пронеслось в моей голове.

Окончил военную школу в Эдо, после учебы в университете «Нанко» поступил на службу в военное министерство. Наибольшее искусство и мастерство Фукусима Ясумаса показал в сборе информации, то есть работал в области разведки. Был военным атташе в США, в Китае. В течение двух лет путешествовал по британской Индии и Бирме. Пять лет назад был назначен военным атташе в Берлине. Отличный топограф, географ. Знает десять языков. Включая русский.

В феврале тысяча восемьсот девяносто второго года после спора на тему конных спортивных достижений по дальним переходам, на одном из светских раутов в посольстве, посвященном окончанию службы майора военным атташе в Германии, начал своё конное путешествие из Берлина в Токио. Факт спора подтвердил граф Шувалов – наш посол в Германии. На настоящий момент Фукусима Ясумаса совершил верхом на коне переход от Берлина через Польшу и далее по маршруту Петербург – Москва – Казань – Урал – Иркутск – Благовещенск. Находится под неусыпным вниманием Министерства внутренних дел империи.

«Вот так! Классическая разведывательная миссия под дипломатической и ещё спортивной крышами. А между тем Фукусима после Москвы следовал вдоль строящейся Транссибирской железной дороги. Японцы не дураки и понимают, что эта железная дорога после ее завершения станет мечом в подбрюшье Японии. Она позволит перемещать в течение нескольких дней, по сравнению с сегодняшней ситуацией, большое число русских войск и грузов из европейской части России до тихоокеанского побережья и Японского моря. Соответственные японские военные круги не могли не увидеть угрозы в намерении России продолжить до океана железную дорогу и всерьез приступить к эксплуатации богатств Дальнего Востока, – думал я, продолжая тупо смотреть на листок. – Путешествие майора Фукусима – это даже не первая ласточка. С учётом

распространённого в Японии внутреннего шпионажа, я уверен, что все города Приморья уже наводнены работниками плаща и кинжала с раскосыми глазами. И почему я об этом раньше не подумал? Хотя, а чего думать! Кто проблемой контрразведки займется? Жандармы, которых семь человек на весь Дальний Восток, или полицейские, которых, если отбросить количество нижних чинов, тоже по пальцам пересчитать можно?!»

– О чём задумались, Тимофей Васильевич? – вывел меня из ступора Савельев.

– Насколько понимаю, сделать с майором Фукусима что-нибудь по принципу «закон – тайга, прокурор – медведь» мы не сможем?

– Извините, по какому принципу? – Савельев удивлённо смотрел на меня.

– Владимир Александрович, мы с вами понимаем, что японец – разведчик. Его путешествие по строящейся железной дороге и далее по тракту до Владивостока – это сбор развединформации, которая позволит японскому Генштабу оценить военное положение нашей армии в Сибири и на Дальнем Востоке. То есть Фукусима несёт с собой и в своей голове важную информацию, которую добыл, занимаясь шпионажем. То есть формально нарушая закон. Вот я и подумал, хорошо бы было, если бы мишка или тигр привел приговор в исполнение. Пропал в тайге смелый путешественник. Только кто нам это сделать разрешит?! – с улыбкой ответил я штабс-ротмистру.

– Ну, вы и зверь, Тимофей Васильевич. Взять и скормить хищникам такого отважного человека, хотя и японца, – улыбнулся мне в ответ Савельев. – Но если честно, то я вас полностью поддерживаю. Хотя сделать такое нам, конечно, никто не разрешит.

– Но посмотреть-то информацию, которую он наверняка отразил в письменном виде, мы должны и обязаны, – уже серьёзно произнёс я, глядя в глаза штабс-ротмистра.

– И как вы себе это представляете, Тимофей Васильевич?

– Честно говоря, пока не знаю. Надо подумать, – ответил я и улыбнулся.

– Чему улыбаетесь? – тут же поинтересовался штабс-ротмистр. – Что-то придумали?

– Нет, не придумал, Владимир Александрович. Просто вспомнил историю, которую мне рассказал Джунг Хи. Как бы нам не оказаться в роли тех, о ком он мне рассказывал.

– И о чём или о ком он вам рассказывал?

– Владимир Александрович, вы что-нибудь слышали о таких японских воинах, которых называют «синоби-но моно»? – спросил я Савельева.

– Нет, Тимофей Васильевич. А кто это?

– Если переводить буквально два иероглифа, которыми это слово пишется, то получится «скрывающийся человек» или «проникающий тайно человек». Так в Японии, начиная с пятнадцатого века, называли шпионов и лазутчиков. Все эти «демоны ночи» в совершенстве владели нин-дзюцу – искусством шпионажа и разведки.

– Очень интересно. Продолжайте, Тимофей Васильевич, – попросил меня штабс-капитан. – Я более семи лет служу на Дальнем Востоке, но о каких-то синоби слышу впервые.

– Владимир Александрович, рассказывать об этих японских разведчиках можно долго, так же как слушать сказки о подвигах наших казаков-пластунов. Особенно если рассказ ведут сами казаки, – я усмехнулся и увидел такую же весёлую ухмылку на лице Савельева. – Но я хотел вам сообщить о событиях, которые произошли сравнительно недавно. В тысяча восемьсот пятьдесят третьем году американская эскадра кораблей под командованием командора Пэрри вошла в бухту недалеко от города Эдо. Пэрри передал сёгуну письмо от президента США с предложением о начале переговоров об «открытии» Японских островов для проникновения туда иностранных держав. Это предложение было поддержано десятками пушек эскадры, дула которых уставились в сторону японского берега. Все это вызвало немалый переполох. Администрация сёгуна не знала, что делать. В этой ситуации было решено прибегнуть к помощи синоби-но моно, чтобы выяснить истинные планы «заморских дьяволов», – я, по Станиславскому, сделал паузу.

– И что было дальше? – заинтересованно спросил штабс-ротмистр.

– А дальше, Владимир Александрович, на корабль командора прибыли то ли один, то ли несколько этих «невидимок». Они подслушали совещание, которое проводил со своими капитанами командор Пэрри. Им удалось украсть что-то из документов, кое-какие вещи. После этих шпионских подвигов синоби-но моно вернулись к сёгуну и предоставили ему все добытые сведения.

Здесь я опять замолчал.

– Тимофей Васильевич, не томите. Продолжайте! Вы так драматично сделали паузу!

– Все действия этих великолепных лазутчиков оказались напрасными. Никто не мог прочитать принесённые документы. А синоби-но моно не могли рассказать, о чём шло совещание. Англо-американского языка в Японии никто не знал. Вот такая незадача случилась у японцев, – грустно закончил я.

Савельев несколько секунд удивлённо смотрел на меня, а потом захохотал.

– И что вы так громко смеётесь, господин штабс-капитан? – сдерживая улыбку, спросил я.

Савельев, вытерев выступившие на глазах слёзы и продолжая подхихикивать, произнёс:

– Представил, как мы добыли записи Фукусимы и ломаем голову, как их прочитать. Я-то точно не смогу. Не знаю я японского языка, Тимофей Васильевич.

– Я знаком, но поверхностно, – уже серьезно и задумчиво ответил я. – Тем более, как предполагаю, самое важно наверняка будет записано шифром. А к нему нужен ключ. У вас, Владимир Александрович, есть знакомый криптограф, в совершенстве владеющий японским языком?

– Вы издеваетесь, Тимофей Васильевич? – Савельев перестал улыбаться и внимательно смотрел на меня. – Это что же, ваша затея – добыть документы

майора – не имеет перспективы?! Даже если и добудем, то не сможем прочитать.

– Получается так, Владимир Александрович. Боюсь, что я и Филатьева вряд ли справимся с дешифровкой. Если только майор Фукусима обнаглел и не шифрует свои записи, надеясь на свою полную дипломатическую защищённость. Кстати, до сих пор не могу понять, как ему разрешили спокойно проследовать через территорию империи? – спросил я у главного жандарма Дальнего Востока. – Или я чего-то не понимаю?

– Тимофей Васильевич, а что вам известно о работе наших дипломатов, военных атташе и агентов?

– Признаюсь, Владимир Александрович, что практически ничего.

– Тогда я проведу для вас небольшой экскурс по деятельности нашей работы за рубежом. – Савельев удобнее устроился на стуле. – Как ни обидно мне говорить, но наибольшую агентурную сеть за рубежом имеет Министерство иностранных дел. Эта агентура добывает в основном секретные сведения дипломатического и политического характера. Данной разведкой ведает и руководит Департамент политических дел Министерства иностранных дел, а на местах за рубежом – послы и консулы. Как говорят, им выделяются значительные суммы на содержание платных тайных агентов.

Штабс-ротмистр горестно вздохнул, а потом мечтательно закатил к потолку глаза.

– Также нельзя забывать, что на МИД эффективно работает «черный кабинет», пускай формально подчинённый МВД. Через это подразделение МИД получает ценную информацию через перлюстрацию переписки посольств, консульств, миссий и агентств иностранных государств, расположенных в столице.

– И каким образом удастся читать эту корреспонденцию? – поинтересовался я.

– Врать не буду. Точно не знаю. Но на уровне слухов во время прохождения учёбы слышал, что почта дипломатических представительств попадает в «черный кабинет» за несколько минут до заделки постпакета перед отправлением его на вокзал. В этой секретной экспедиции имеется полная коллекция безукоризненно сделанных металлических печатей как всех

иностранных посольств, консульств, миссий и агентств в Санкт-Петербурге и за границей, так и всех послов, консулов, атташе, министров и канцлеров. С помощью печаток вскрывать и заделывать эту дипломатическую переписку, без малейшего следа вскрытия, не представляет никаких затруднений. Но это всё на уровне слухов, мой друг.

Я понятливо кивнул головой, изображая, что намёк представителя корпуса жандармов понял. Между тем, Савельев продолжал читать мне ликбез по шпионажу и разведке.

– Опять же, по информации, которая ходит в отдельном корпусе жандармов, в МИДе имеются и шифрованные коды всех стран, с помощью которых эту корреспонденцию свободно читают и переводят, но уже не в «черном кабинете», а в другом. Как он называется, я не знаю. Но, возможно, представители данного учреждения смогут прочесть записки Фукусимы, если мы их добудем. Как вы на это предложение смотрите, Тимофей Васильевич?

– Я обеими руками за, Владимир Александрович. Если только есть такая возможность?!

– Я думаю, если вы отправите материалы генерал-лейтенанту Черевину, то он найдёт такую возможность. Но мы немного отвлеклись. С вашего позволения, я продолжу.

– С удовольствием слушаю вас, Владимир Александрович, – ответил я, ничуть не покривив душой.

– На второе место по агентурной работе я поставил наше ведомство – Министерство внутренних дел. Но данная работа, на мой взгляд, несколько ограничена. Основной задачей нашей агентуры является освещение русских революционных организаций, отдельных революционеров и их деятельности за границей, – Савельев на несколько секунд задумался, а потом продолжил: – Народовольцы, Тимофей Васильевич, окончательно не разгромлены. Голод, обрушившийся на многие губернии России за последние два года, добавил много сторонников в их ряды здесь, внутри страны. А за рубежом идут теоретические изыскания новых форм борьбы с самодержавием. Но многие остаются на прежней платформе террора. Когда переберёмся в Хабаровку, я дам вам почитать наши бюллетени за три последних года.

– Было бы интересно ознакомиться, – вставил я своё слово. – Заранее благодарю, Владимир Александрович.

– Успеете поблагодарить, Тимофей Васильевич. Я к чему всё это рассказываю. Все круги власти во всех странах знают, что дипломаты занимаются сбором разведывательной информации, но закрывают на это глаза. Как пример, расскажу вам байку, которую слышал во время учебы на курсах. Правдива она, или это исторический анекдот, судить вам.

Савельев, сцепив ладони в замок, положил их на стол и на несколько секунд замолчал. Собравшись с мыслями, он начал рассказ:

– В бытность, когда генерал от инфантерии граф Николай Павлович Игнатьев служил военным агентом в Лондоне, это было в конце пятидесятих годов, он получил однажды письмо из Санкт-Петербурга. Лист письма имел оттиски всех почтовых штемпелей на одной стороне вложения, хотя на конверте штемпели были положены одни на лицевой, а другие на клапанной стороне конверта. Этим письмом с такими оттисками можно было доказать, что послание было перлюстрировано в Лондоне или на британских островах. Граф Игнатьев упрекнул министра иностранных дел Великобритании в том, что его подчиненные вскрывают письма члена русской миссии. Министр, а тогда им был граф Джордж Кларендон, дал честное слово лорда, что в Англии «черного кабинета» не существует. Позже в приватной беседе граф сказал Игнатьеву: «А что же я, по-вашему, должен был сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?»

– Да, англичане известные джентльмены и люди слова. Хочу – дал слово, хочу – взял назад, – грустно усмехнулся я.

– Вы верно подметили, Тимофей Васильевич, – также не очень весело усмехнулся штабс-ротмистр. – Этой историей я хотел довести до вас, что все всё знают, но делают вид, что не знают. Такое положение дел мы видим и в отношении майора Фукусимы. Все знают, кто он такой, знают, чем будет заниматься при проезде через российскую территорию. Но сложившееся положение вещей обязывает делать вид, что ничего не происходит. У нас в уголовном уложении даже статьи нет, которую мы могли бы применить к этому клятому японцу. Даже если докажем его шпионаж, максимум, что сможем сделать – проводить господина Фукусиму до Владивостока и с почётом отправить в Японию. И всё!

– Это правда, Владимир Александрович? – я, охреневший от такой информации, ошеломленно смотрел на Савельева.

– К моему глубокому сожалению, правда. Такое у нас законодательство. Если бы Фукусима был подданным Российской империи, то к нему по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции восьмидесят пятого года можно было бы применить статью двести пятьдесят шестую. – Штабс-ротмистр прищурил глаза, сделал паузу, а потом по памяти процитировал: – «Кто из российских подданных откроет какую-либо государственную тайну иностранному, хотя и не враждебным с нею державам или сообщит им планы российских крепостей или иных укреплённых мест или гаваней, портов, арсеналов, или опубликует сии планы без дозволения правительства, то за сие приговаривается к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири».

Савельев замолчал, перевёл дух и грустно улыбнулся.

– Вот такие вот дела, Тимофей Васильевич... мать её! – не сдержался штабс-ротмистр.

– И что, никаких статей нет, по которым можно привлечь Фукусиму?

– Нет, мой друг. Увы, нет. А вот за ваше предложение действовать по принципу «тайга – закон, прокурор – медведь» к нам могут применить статью двести пятьдесят девятую. Не хотите ознакомиться?

– Век живи, век учись и всё равно дураком помрёшь. Добивайте меня глупого, господин штабс-капитан.

– Так вот, Тимофей Васильевич, если кто-либо из российских подданных в мирное время нападет открытою силою на жителей государств соседних или иностранных и через то подвергнет своё отечество опасности разрыва с дружественною державою... – Савельев остановился и внимательно посмотрел на меня. – Может Япония из-за Фукусимы, если всплывёт правда, поднять вопрос о разрыве отношений с нашей империей? Как думаете, Тимофей Васильевич?

Я неопределённо пожал плечами. «Давно меня так фэйсом об тэйбл не возили, – подумал я. – Учи матчасть, господин хорунжий. Где бы только время на учёбу

найти?!»

– Я тоже не знаю ответа на этот вопрос, но наказание по этой статье – каторжные работы от восьми до десяти лет. Вот такие вот дела, мой друг.

– Владимир Александрович, так нам что, в сторону японского майора и посмотреть нельзя? – с какой-то горечью в душе я задал вопрос штабс-капитану.

– Посмотрим, Тимофей Васильевич, обязательно посмотрим. А пока, чтобы больше к этой проблеме не возвращаться, я быстро закончу свой несколько затянувшийся экскурс по агентурной работе. – Савельев вновь сцепил в замок ладони, лежащие на столе, после чего продолжил: – Агенты МВД в странах, где русские политические эмигранты чаще всего находят себе убежище, работают совершенно открыто и известны местным властям. Мало того, на уровне государства поднимается вопрос о заключении официальных соглашений с некоторыми правительствами о совместной объединенной борьбе с революционным движением.

Я сидел, пришибленный полученной информацией, и думал о том, как я, оказывается, мало знаю о действительности, в которой сейчас живу. Одно дело молодой казачок Амурского войска, и совершенно другое дело, когда ты телохранитель особы, которая в моём мире в следующем году станет императором. Савельев же продолжал свой экскурс, делаясь со мной информацией, о которой в открытых источниках не пишут. Да и говорить об этом не принято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/valeriev_igor/ermak-lichnik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)